

Алексей Стопичев

СТРАЖ

НЕУГОМОННЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Александрович Стопичев

Страж неугОМОНный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70059715

SelfPub; 2023

Аннотация

Боец ОМОНа непостижимым образом попадает в параллельный мир, средневековый и вместе с тем чем-то неуловимо похожий. Там магия, мушкеты, а ещё гмуры, великаны-асилки и магия. С первой же минуты омоновец окунается в водоворот приключений, тем более, что Новеградское царство со всех сторон окружено врагами и недоброжелателями. И ему нужно не только победить самому, но и сражаться за новый дом...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Где мои тапочки?	11
Глава 2. Работает ОМОН!	18
Глава 3. Неожиданно.	24
Глава 4. Предложение.	31
Глава 5. Десятник.	37
Глава 6. Наука Родину любить!	44
Глава 7. Два месяца муштры.	51
Глава 7. Задание	58
Глава 8. Первый бой	64
Глава 9. Победа!	70
Глава 10. Хочешь мира – готовься к войне!	76
Глава 11. Корабли на горизонте.	83
Глава 12. Морской бой	89
Глава 13. Война...	96
Глава 14. Подготовка к осаде	102
Глава 15. Первая атака	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Алексей Стопичев

Страж неугОМОУный

Пролог

Я уходил от погони, жалобно поскуливая. Но старался не переигрывать. Очень важно, чтобы преследователи поверили в то, что я жертва. Расслабились. Почуяли себя настоящими хищниками, а не мелкой сворой одуревших от невинной крови оборотней-недомерков. Я перепрыгнул через бревно и подбежал, старательно прихрамывая, к старой полуразваленной часовне в глубине леса. Небольшая полянка перед часовней была залита лунным светом, и по краю полянки среди деревьев мелькнули чёрные тени. Раз, два, три... пять! Похоже, все оборотни дикого выводка собрались здесь. Отлично! Я захромал ещё сильнее и ломанул в проём двери, жалобно выкрикивая:

– Господи, помоги!

И когда услышал шуршание лап на поляне, радостно усмехнулся. Нелюди попались. Потому я спокойно прошёл в центр часовенки, и лицом ко входу присел на камень, служивший когда-то алтарём. Волколаки ворвались внутрь, радостно порывая, и тут же остановились, налетая друг на

друга. Казалось, сломленная жертва бежит в панике, объята ужасом и вот на тебе – спокойно сидит и курит, поглядывая на вход. Жертва, то есть, я, выдохнул клуб дыма и заговорил:

– Чего застыли, псы? Заходите, давайте! Вы нападать думаете, или где?

Самый крупный ликантроп, судя по всему, вожак безмозглой стаи, раззявил пасть и пролаял:

– Кто... ты...

– Твоя смерть, пёсик, – ласково ответил я оборотню, и, когда тот прыгнул, целя в моё нежно-любимое горло, резко развернулся, одновременно выхватывая посеребрённый клинок. Вожак жалобно визгнул и тут же захрипел. А вот сами попробуйте повизжать с перерезанным горлом. Остальные волколаки застыли вначале, но потом, как я и предполагал, кинулись скопом на меня. Тупость ликантропов в зверином облике давно в поговорки вошла, и сейчас пёсики не подкачали, оправдывая все стереотипы. Двое столкнулись в полёте, третий был сбит одним из столкнувшихся, и лишь четвёртый почти попал в меня. Но не успел, так как скоропалительно умер от обезглавливания. От этой же причины умер ещё один оборотень, а двое оставшихся кинулись было вон из часовенки, но я уже стоял на выходе и продолжал ласково улыбаться. Сознаюсь, что забрызганные кровью волколаков руки и костюм немножечко контрастировали с милым выражением моего лица, но тут уж не я был тому виной. Я, как настоящий спецназовец, всегда предпочитаю вежли-

вость.

– Вы куда, пёсики? Охота только началась, а вы бежать? – я картинно опёрся на полуобвалившийся дверной проём.

Ликантропы переглянулись и заскулили. Похоже, даже в их отупевшие от перекидывания головы дошло, что на этой облаве охотники явно не они. Один волколак метнулся по часовой стрелке, ища выход, но я-то знал, что выход здесь один. Ещё днём тщательно всё разведаль. Стены тут толстые, высотой от пяти до семи метров. Два уцелевших оконных проёма слишком узки, чтобы через них можно было выскочить. Потому волколак ожидаемо вернулся к своему сотоварищу, наклонил голову и прорычал:

– Вып-пусти!

– Чего вдруг? – удивился я, – Вы тут уже столько народу положили, что в любом случае вас смертная казнь ждёт.

Говоривший волколак взвыл вдруг, и огромным прыжком кинулся в проём. И даже успел выскочить. Правда, без головы. Та, отделённая от тела моим клинком, осталась на пороге, жалобно подрагивая ушами. А тушка по инерции вывалилась из часовни. Я ласково посмотрел на последнего ликантропа и спросил:

– Тоже будешь пробовать?

Тот жалобно заскулил, оглядываясь на поделщиков, уже сдохших и трансформирующихся обратно в людей. Развернулся и забежал за камень, на котором я совсем недавно сидел. А после удивил даже меня. Трансформировался, и из-

за камня вышел, вернее, вышла, молодая ещё женщина. Довольно симпатичная и абсолютно обнажённая. Она протянула жалобно руки и произнесла с надрывом:

– Господин! Я не виновата! Вожак стаи заставлял устраивать охоты!

– Верю, – кивнул я, – Сам часто вру.

– Клянусь, что это правда, – волколачка даже слезу в голос подпустила, и так подняла плечики, что её груди качнулись довольно... кхм, соблазнительно. Тут сверху раздался выстрел, и голая женщина упала, захлёбываясь кровью. Кстати, пуля вошла красиво: прямо в середину груди. Со стены упала верёвка и по ней ловко спустилась Герань со своим ружьём. Тряхнула своими каштановыми волосами и спросила насмешливо:

– Поплыли, ваше благородие?

Слово «благородие» девушка произнесла с явной насмешкой, я тяжело вздохнул из-за столь нарочитого пренебрежения субординацией, но смолчал. Зато гмур, спустившийся вслед за Геранью, сказал укоризненно:

– Ох, договоришься, девка! Останешься без вознаграждения когда-нибудь!

– Да я сиськи покажу, он и своё отдаст, – гоготнула Герань, упираясь ногой в умершую ликантропшу и ловко обезглавливая топориком подстреленное исчадие.

– Да я лучше доплачу, чтобы не показывала, – нарочито небрежно ответил я. А когда Герань вспыхнула, повернулся

к гмуру: – Валет, обыщи всех на амулеты и кольца, да зови Пыха, пусть ищет по следам их логово! Чую я, добыча должна быть хорошей!

Гмур кивнул, распрямился, надул щёки и засвистел резко, пронзительно, так, что у меня уши на мгновение заложило. Герань от неожиданности даже на попу шлёпнулась, но тут же вскочила и заорала на Валета:

– Чтоб ты пропал, недомерок!

– Я-то – венец природы, – напыжился Валет, – Это ты – каланча-переросток! Недоразумение полное!

Назвать стрельца, вернее, стрельчиху, в которой росту хорошо, если метр-шестьдесят каланчой – явный перебор для кого угодно, кроме гмура. Тот и вовсе росточку менее метра, впрочем, как и все из его народа. Зато низкий рост гмуров компенсировался их необычайной силой, ловкостью и мастеровитостью. Не зря гмуры считались лучшими мастерами мира Алат. Я не успел докурить, как из леса огромными скачками выметнулся Пых – огромный разумный рысь, рыжий и невероятно грациозный. Он подскочил ко мне и спросил:

– Хозяин звать?

– Звать, Пых, – я осторожно коснулся загривка рыси и попросил: – Надо найти логово оборотней. Там, где они одежду оставляли. Как найдёшь – приходи сюда, мы подождём!

Пых привычно раздул ноздри, обнюхал одно тело, второе, и быстро умчался по поляне в лес. А я сел прямо в пахучую

траву, достал из-за пояса двуствольные пистолеты и привычно проверил, всё ли нормально.

– Опять пижоните, – недовольно сказал Валет, садясь рядом. – Могли бы всех пощёлкать из пистолей, нет же, сабелькой своей машете!

– Ты знаешь, сколько серебро стóит? – я аккуратно доставал из ствола вначале пыжи, а потом выкатывал аккуратно серебряные пули, засовывал их в мешочек, а вместо них достал из подсумка обычные, свинцовые пули и принялся заряжать пистолеты ими.

– А голова ваша сколько стоит? – гмур достал трубку и принялся набивать её табаком.

– То, если б мозги в ней были, стоила бы, – Герань тоже плюхнулась рядом, достала шомпол и принялась чистить ствол. – А пустая голова ничего не стоит.

Я покосился на стрельчиху, вздохнул тяжело и произнёс:

– Ну, что же, буду умнеть, – я всунул последнюю пулю, утрамбовал шомполом пыж, по привычке повернул оба двуствольных пистоля стволами вниз, чтобы проверить надёжность зарядки. Спрятал оружие в кобуры и проговорил задумчиво: – За каждую критику руководства введу штрафные санкции. Ну, и вознаграждение – согласно уничтоженному врагу. Так же по-умному будет?

Герань, которая как раз начала отхлёбывать из фляги, поперхнулась вдруг, закашлялась, выпучив глаза. Откашлялась и сказала осторожно:

– Я хотела сказать, что восхищена вашими ловкостью и отвагой, несомненно, не менее замечательными, чем ваш ум.

Теперь поперхнулся гмур и с удивлением посмотрел на стрельчиху:

– Эка, как тебя, каланча, пробило, – захихикал он. – Эдак, если Виктор Петрович начнёт воспитывать – тебе любая девица из анститута позавидует!

– А чего им сотоварке своей завидовать-то? – ухмыльнулся я, – Институт-то заканчивала, Герань?

– Заканчивала, да не закончила, – нахмурилась девушка. – Не ваше это дело.

– Понятно, что не наше, – я благодушно кивнул, увидел выскочившего на поляну Пыха и легко вскочил на ноги, – Пойдёмте за трофеями. Делить по уму будем, или по справедливости?

– Тут даже не знаешь, где хитрее, – закрихтел гмур и тоже поднялся с травы, – Может, условия скажете?

– На месте расскажу, – рассмеялся я и зашагал вслед за рысем. А сам принялся вспоминать, как попал в этот мир...

Глава 1. Где мои тапочки?

Я стоял в оцеплении и смотрел на толпу прыщавых юнцов и девиц, тоскливо переминающихся с ноги на ногу. Мамки-ны борцы с режимом явно трюсили и растеряно поглядывали на своего куратора, а тот что-то шептал очередной раз, кивая на часы. Один из юношей совсем уже сомлел от испуга, шамкал что-то бледными губами, да поправлял постоянно съезжающие с носа очки. Я одной рукой опирался на щит, а второй поигрывал «демократизатором», называемым официально ПР, то бишь, палка резиновая. Так как борцуны стояли совсем рядом, максимально утешающе спросил у очкарика:

– Первый раз на антиправительственном сборище?

Юноша кивнул испуганно и тут же икнул. Очки очередной раз чуть не съехали с носа, но он каким-то чудом успел их поймать и водрузить на место.

– Не ссы, – ободряюще улыбнулся я студенту, – У меня это уже сотый антиправительственный митинг, и, как видишь, всё хорошо!

Студент опять икнул и спрятался за спины других борцунов.

– Вить, ты задолбал! – зашипел на меня Серёга, – Ты омоновец или стендапер? Сотый митинг у него! А ничего, что ты эти митинги и разгоняешь?

– Кто на что учился, братан, – я скучающе поглядывал на толпу, взвешивая в руке резиновую палку, – Но это ж не отменяет факта, что митинг сотый.

– Ну тебя, – хмыкнул Серёга, – Балабол! Лучше скажи – будут буянить сегодня мамкины пирожки или нет?

Я пожал плечами, ощутив тяжесть броника, и неопределённо проговорил:

– От куратора их зависит.

Впрочем, без задержаний не обошлось. Стандартные речи переросли по проторенной схеме в камлания, где уже не куратор, а какая-то деваха с дредами, или как там это называется, когда на голове сосульки в разные стороны, стала бесновато орать со сцены «за нашу и вашу свободу!». Мои коллеги омовцы враз поскучнели, так как поняли, что придётся толпу успокаивать. А это опять плевки, царапанье и визг. Плюс, тащить эти извивающиеся тела в автозак... То ещё удовольствие. Но, тут уж, как я заметил ранее – кто на что учился. И раз пришёл работать в ОМОН – радостно и весело переноси все тяготы службы вместе с извивающимися телами оппозиционеров. Тем более, тут всяко полегче, чем в командировках. Не менее спокойно, но менее опасно.

В общем, подозрения наши подтвердились, и после камлания борцуны стали водить хороводы, орать песни. А когда кто-то из камлающих возопил с предложением идти на площадь и прорывать оцепление, началась привычная работа. Аккуратно принимали раздухарившуюся молодёжь, на-

девали наручники и вели к машинам. Вокруг вой, ор, истерики. Мамкины пирожочки бьются в припадках, как умалишённые. Какая-то журналистка пыталась оппозиционера отбить, забрали и её до кучи. И тут на меня выскочила эта девка с дредами-сосулями. В руках перцовый баллончик, орёт, слюной брызжет, будто себе из этого баллончика уже пшикнула в лицо. Кинулась на Серёгу, баллончик распылила. Тот закашлялся, а я даму бесноватую быстро принял. Руку назад завернул, баллончик реквизировал и поволок снегурку с сосулями на башке из толпы. Какой-то оглашенный кинулся было на меня, да я щитом его оттолкнул, а там пацаны скрутили слабоумного. Когда подтащил бесноватую к автобусу, она развернулась ко мне, зыркнула глазюками и заверещала:

– Проклят будь, скотина! Чтоб тебя в ад закинуло!

Я передал брызжущую слюной девицу операм и проговорил буднично:

– Нападение на сотрудника с применением спецсредств! – и сунул в руки оперу баллончик.

– Принял, – кивнул опер из городского УВД. И потащил упирающуюся барышню в автобус: – Пойдём, милая, у нас тут сказка наоборот! И тебя ждёт увлекательное путешествие в страну чудес с вашего поля дураков!

Вечером, когда мы уже вернулись на базу, и я сдал снаряжение, подошёл Серёга:

– Пивка попьём?

– Не, – мотнул я головой. – Домой пойду. Устал что-то.

Дружбан мой кивнул понятиливо, а я вышел через КПП и отправился домой. Решил пешком пройтись, хоть и не близко. Так и шёл спокойно, не торопясь. Пока не свернул в проулок. Тут увидел, что на меня два огня летят огромных. «Фу-ра что ли?» – только и успел подумать я, и померкло всё. Лишь вспыхнула фраза командира о том, что все омовцы попадают в рай.

«Вот сейчас и проверю» – почему-то невероятно лениво и медленно подумалось мне. Я был словно в густом киселе. Крутился, переворачивался в полной темноте, и медленно парил. А потом на секунду почуял падение и рухнул во что-то зелёное. Понял, что повис, немного поднял голову. Лес. Полянка. И я, как дурак, вишу на ветвях дерева. Пошевелил руками-ногами – на месте. Давняя привычка, ещё из командировок в горячие точки. Приложило? Проверяй, всё ли на месте у тебя в организме. Ноги две, обе целые. Дальше по списку руки с пальцами – глянул, пошевелил – присутствуют. Туловище, зажатое ветками тоже в наличии. Голова, надо полагать тоже, раз есть чем смотреть. Ощупал себя – всё в норме. Что это было и как я с улицы пустынной на дереве оказался – потом буду анализировать. У меня, как всегда, в незнакомой местности включился режим выживания. Быстро осмотрел карманы, кроме пачки сигарет, мобилы и перочинного ножика при себе не было ничего. А, нет, ещё зажигалка. В лесу лишней точно не будет. И тут я услышал шорох внизу, хотел посмотреть, что там и... банально сорвался. Об-

рушился вниз с высоты и рухнул явно на что-то живое. Живое это утробно хрюкнуло под моим центнером и застыло. Я вскочил и понял, что насмерть задавил мужика. Так неудачно упал на него, что банально сломал своим весом шею. Мужик, кстати, одет был странно, но рассмотреть я его не успел, так как услышал выстрелы. Один, второй, третий. Пригнулся и побежал под прикрытие деревьев.

Выстрелы звучали далековато. На слух – не менее полукилометра. Потому я, под прикрытием деревьев, медленно стал красться в ту сторону. С одной стороны – владелец оружия мог быть агрессивно настроен. Особенно, если был знакомым нечаянно задавленного. С другой – это люди, которые могли прояснить, где я вообще оказался и что, чёрт возьми, произошло. Через пару сотен метров лес заканчивался. Я прокрался сквозь заросли ползком, чтобы не отсвечивать, и увидел не очень приглядную картину. Вдоль леса шла накатанная грунтовая дорога, на этой дороге стояла телега, запряжённая парой лошадей. Возле телеги лежали два трупа, а над трупами стояли трое мужиков. У двоих в руках были странные ружья. Я такое оружие точно не видел в нашей оружейке. Что-то подобное наблюдал в музеях, но не в армии или спецназе. Третий незнакомец, кстати, вообще в руках держал двустольный пистолет! Видел всё я очень отчётливо, так как лежал в кустах буквально метрах в двадцати от этих граждан. И будь я проклят, если эти трое – не разбойники! Этих тварей я с любым, даже самым странным на све-

те оружием узнаю.

Кстати, один из трупов оказался вовсе и не трупом, потому как зашевелился. Разбойник с пистолетом, похожим больше на обреза, чем на пистолет, захохотал, наклонился и схватил за волосы живую жертву. Жертвой оказалась довольно молодая женщина. Мне казалось, будто я попал в сюрреалистический средневековый блокбастер. А бандит рассмотрел лицо лежащей на земле, и довольно осклабился:

– Сегодня нам втройне повезло с уловом, – разбойник задул двуствольную пищаль в кобуру: – И лошадок взяли, и кобылка имеется!

Мужик поволок даму по пыли прямо в мою сторону, бросив своим поделщикам:

– Хорошо повозку обыщите!

– Дрын, а мы? – проямлил похожий на тощего суслика бандит.

– А вы потом, – вновь захохотал смешливый Дрын. Он подходил всё ближе, и я отчётливо видел небритые щёки с рыжей, клочковатой щетиной, угреватый нос и белесо-серые навывкате глаза. Эдакая карикатура на человека, вдруг ожившая и научившаяся говорить и... убивать. И женщину рассмотрел отчётливо. В каком-то плотном платье с длинным подолом. Сама светловолосая, с бледными губами и безумными глазами. Оставшиеся у воза разбойники полезли на этот самый воз, а Дрын заволок женщину в кусты буквально в пяти метрах от меня. И тут я очень порадовался тому,

что попал сюда в своём камуфляже, цветом точь в точь, как местная растительность. Ни бандит, ни его жертва меня просто не заметили. Хотя, женщина, по-моему, вообще плохо соображала. Даже когда бандит стал задира́ть на ней подол, просто молча смотрела в небо, лёжа на спине, даже не пытаюсь сопротивляться.

Но вот я спокойно смотреть на это не мог. Подкрался сзади к Дрыну, и когда тот начал снимать штаны, просто схватил сзади за шею и рванул. Бандит даже пикнуть не успел – просто потерял сознание, а, может, и сразу умер. Я аккуратно опустил тело на землю и достал из кобуры его странный дуствольный пистоль. Быстро осмотрел и скривился. Мне это чудовище напомнило старинные мушкеты или самопалы, которые мы в детстве делали. Я быстро проверил: один ствол был пуст, а вот второй явно заряжен. Потом я глянул на женщину и прислонил палец к губам.

Глава 2. Работает ОМОН!

Она кивнула понятливо, и меня это порадовало. Не хватало ещё орущую бабу успокаивать. Я осторожно выглянул на дорогу: один разбойник шарил на возу, а второй оглядывал запряжённых в телегу коней.

– Их трое было? – шёпотом спросил я потерпевшую.

Та молча покачала головой и подняла руку с четырьмя пальцами, показывая, что разбойников было четверо. Я ещё раз внимательно осмотрел пистолет. Он был крупным, массивным, с длинным стволом сантиметров двенадцати в длину. И два спусковых крючка с двумя курками – каждый на свой ствол. Я так думаю, что по дальностью, да по кучности эта махина мало чем от ружья охотничьего отличается. Если и стрелять, то лучше с близкого расстояния. Я медленно и аккуратно взвёл курок, посмотрев, какой спусковой крючок отреагировал. Затем стал пристально следить за бандитами, размышляя – отсюда попытаться застрелить или дожждаться, когда в лес пойдут? Решил дожждаться, когда подойдут – и шансов попасть больше было, и хотелось одного хотя бы живым взять. Надо ж выяснить, куда подельник делся четвёртый. И где оружие взяли, тоже неплохо бы узнать. Явно музей какой-то грабанули. В общем, пленный нужен бы. Потому я затих в засаде и ждал, когда негодяи направятся в мою сторону.

Потерпевшая, видимо, поняла мою задумку и полностью одобрила. Поправила платье и тоже затаилась, поглядывая то на труп неудавшегося насильника, то на меня. Так и просидели мы несколько минут, пока один из разбойников не решил прогуляться в лес. Тот самый, что лошадей оглядывал. Его подельник проблеял жалобно с воза:

– Гнат, ты куда?

– Куда надо, – гыгыкнул бородатый, из-за нависших надбровных дуг похожий на обезьяну Гнат. Подельник его прыгнул с воза и побежал следом, бросив винтовку на возу. Я чуть не заорал от счастья. Даже не ожидал, что настолько тупоумные разбойники попадутся. Пока два дятла в чело-вечьем облике шагали в мою сторону, я аккуратно выцелил обезьяноподобного Гната и нажал спусковой крючок. Пистоль выстрелил с небольшой задержкой, зато жажнул неслабо, и отдача была, чуть ли не как у ружья. Хорошо хоть двумя руками держал этого монстра. Зато и Гнату пули из мушкета хватило за глаза. Попал я ему ровнёхонько в грудь, и бандита откинуло на спину. Он упал, раскинув руки, а я одним рывком выскочил из кустов, наставив пистолет на второго бандита, и заорал по привычке:

– Мордой в землю, работает ОМОН!

Худошавый, пучеглазый с клочковатой бородкой бандит тут же рухнул вниз и закрыл голову руками. Я подскочил к бандитам, увидел, что Гнат, зажимая одной рукой рану в груди, второй пытается подтянуть к себе ружьё. Потому на ре-

флексгах выхватил у умирающего оружие и наставил на лежащего, отчего тот заверещал:

– Не убивайте! Я не хотел!

Так как лежащий мордой в землю бандит причитал и сопротивляться не собирался, я решил внимательно осмотреть ружьё. Похоже, что-то однозарядное типа гладкоствольного охотничьего. Разбираться в механизме не стал, закинул ремень на плечо. А лежащему завернул кафтан за спину, закрутил кафтаном руки так, что он аж взвизгнул. Потом рывком поднял его и потащил к подводе. Там забрал и второе ружьё. Подумал пару секунд, снял с пленного пояс с чем-то, похожим на подсумок, и нацепил на себя. Потом и с убитого снял. И поволок последнего выжившего в лес. В кустах всё так же ждала женщина, испуганно поглядывая на меня.

– Не бойся, – улыбнулся я потерпевшей, – Теперь всё хорошо будет.

Она опять кивнула молча, а я развернул пленного к себе и спросил:

– Сколько вас всего?

– Ко-кого вас? – пролепетал бандит.

– Бандитов, – уточнил я и предупредил: – Ещё раз вопросом на вопрос ответишь – в морду получишь. Ясно?

– Ясно, – икнул бандит.

– Так сколько вас было?

– Че-четверо, – тщедушный даже икнул, и всем своим видом демонстрировал желание к сотрудничеству с правоохрани-

нительными органами.

– Четвёртый где?

– Так в лес ушёл и пропал! – юандос ткнул пальцем в ту сторону, откуда пришёл я, и я понял вдруг, на кого я упал с дерева.

– Больше никого не было с вами? Ещё кто есть в банде?

– Нету, ваше благородие, – пленный максимально искренне пучил глаза.

– Как тебя зовут?

– Горын я, в-ваше...

– Слушай сюда, Горын, – я приблизил своё лицо, – Сейчас рассказываешь, кто вы и откуда. Будешь врать, убью. Понял?

– П-понял!

– Ну, так начинай!

– Мы из города Седмицы! Там, значит, промышляли картишками. А потом Дрын оружие нашёл...

– И? – про город этот, который слыхом не слыхивал, решил позже спросить.

– Ну, – замялся Горын.

– Не нукай, скотина! Дальше давай!

– Дрын предложил на дорогу выйти. Вот и пошли.

– Сколько ограбили? Не вздумай врать, скотина!

– Т-третьи это... были.

– Куда награбленное прятали?

– Н-недалеко тут. Схрон у нас, – Горын кивнул куда-то в сторону леса острым подбородком.

– А отдел полиции где ближайший?

– Что? – вытаращился на меня бандит.

Хрясь! Мой кулак впечатался в бандитскую рожу. А когда бандит упал, я сказал нарочито медленно:

– Я предупреждал, что будет, если начнёшь вопросы задавать. Встать, мразь!

Впрочем, так как Горын явно не мог со связанными сзади руками встать самостоятельно, свой приказ я подкрепил тем, что схватил разбойника за шкурку и рывком поставил на ноги.

– Повторяю вопрос: где ближайший отдел полиции?

– Н-не знаю я, ваше благородие! – прошамкал разбитыми губами злодей.

– Ты знаешь? – повернулся я к женщине.

– Я даже не знаю, что это, – испуганно замотала головой потерпевшая.

Я изумлённо моргнул, посмотрел с недоверием на неё, на бандита, прокашлялся и спросил осторожно:

– Ты не знаешь, что такое полиция?

– Не знаю, господин! – женщина, будто в отчаянии, приложила руки к груди.

– Так, погоди-ка минутку! – я нахмурился, совсем перестав что-либо понимать. Все эти «ваши благородия», «господины». Мелькнула мысль, что я сейчас в больнице под наркозом, а это галлюцинации. Но привычка действовать в любых ситуациях не рефлексирруя, подсказала, что если даже я

в больнице, всё равно надо делать дело. А потом уже разберёмся – во сне это было или наяву. Потому я полез в карман, достал сигарету, закурил и спросил задумчиво:

– А ты откуда?

– С Выселок мы! – затараторила женщина, – С братом вот ехали – мёд везли в Мышинск на продажу. А тут... эти!

Женщина ненавидяще глянула на бандита, и тот поёжился.

– А с преступниками кто борется? – я пристально глянул на женщину.

– Так стражи! – потерпевшая удивлённо посмотрела на меня, – Из сторожевого приказа!

Я затаился и спросил, чтобы скрыть растерянность и смущение:

– А тебя как звать-то?

– Маланья я, – женщина продолжала прижимать к груди руки.

– А страна как называется? – спросил я, чувствуя, что начинаю сходить с ума.

– Новеградское царство у нас, – судя по взгляду Маланьи, меня она после моих вопросов боялась не меньше, чем бандитов. Впрочем, я теперь тоже сам себя боялся. Но, так как русские не сдаются, решил до последнего действовать, будто всё реально.

Глава 3. Неожиданно.

Следующий час я потратил на допрос бандита и потерпевшей. А потом, следуя привычке, выработанной ещё в «горячих точках», собрал всё оружие, боеприпасы и тщательно их изучил. Выходило, что ружья и мушкет хоть и были курковые, со спусковыми крючками, заряжались не патронами, а со стороны ствола. Меркой засыпался порох, заталкивался пыж шомполом. Затем загонялась свинцовая пуля, и вновь пыж. Оказывается, делалось это затем, чтобы пуля не вывалилась из ствола и порох не высыпался. Если плотно пыж заталкивался, сколько угодно можно оружие стволом вниз поворачивать – всё плотно сидело! Разобравшись, как заряжать, перезаряжать и чистить, я собрал подсумки. В них были странные железные колбы, в которых хранился порох. Горын тут же услужливо подсказал, что это пороховницы. Тут же были мерки, сколько отсыпать на один заряд. И мешочки с пулями и пыжами. А потом мы с Горыном прогулялись до бандитского логова, где взяли кучу товара и денег. Деньги тут были медные, золотые и серебряные. О денежных купюрах местный люд слыхом не слыхивал. И вообще, бандит и Маланья оба утверждали, что мы в мире Алат, в Новеградском княжестве. И хоть убейся об забор! Принял это до поры до времени за истину. И принялся выспрашивать, что стоят местные монеты.

– Золотые– это франки! – объясняла Маланья. – Маленькие – по одному франку. Большие – по пять. На них и написано! Серебряные – это десимы. В одном франке десять десимов и сто сантимов. Сантимы – это медные.

Я с удивлением крутил медяки, на которых были цифры от одного до пяти. Один – вовсе мелкая монетка, а пятак – крупный, таким и контузить можно. Десимы были таким же номиналом. И тоже отличались размерами. Все монеты, вне зависимости от материала, выдумкой не блистали. На одной стороне просто цифра. А на второй – корона с лепестками. Я тщательно пересчитал. Золотых оказалось совсем мало – одна монета в пять франков и две по одному. Серебра чуть поболе – всего двадцать семь десимов. А вот меди – уже прилично – сто сорок четыре сантима. Деньги я тщательно пересчитал и ссыпал в кошель, который засунул за пазуху. Потом взялся осматривать товары, и решил, что бóльшая часть мне даром не нужна: подковы, какие-то палки, холст, кувшины. Но вот холодное оружие меня заворожило. Во-первых, я сразу нашёл и прицепил к поясу приличных размеров кинжал в красивых ножнах. А потом стал рассматривать пять клинков. Каждый вынимал из ножен и взвешивал в руке. В итоге остановил выбор на увесистом полуметровом прямом и тоном мече. И в руку лёг хорошо, и не слишком тяжёлым был. Здешнее огнестрельное оружие у меня особого доверия не вызывало, потому решил, что клинок и кинжал уж явно лишними не будут.

В общем, экипировался я следующим образом: на пояс повесил толстенный кожаный ремень, на который прицепил меч и кобуру с двустольным пистолетом. На другой ремень, перекидывающийся через плечо, прицепил подсумок с порохом, пулями и пыжами. Одно ружьё и часть боеприпасов оставил в схроне. Монеты поделил на несколько частей и рассовал по карманам в разных кошельках. Кинжал в ножнах сунул за пояс. Потом надёжно связал Горына, погрузил его на телегу и сказал Маланье:

– Идём в ваш Мышинск!

Маланья объяснила, что до города добираться отсюда всего-то часа два-три пути. Рядом с бандитом мы положили тело её брата, чему связанный Горын был не очень рад, но возмущаться не стал. И правильно сделал. У меня руки до сих пор чесались. Так и двинули по дороге – Маланья с вожжами рядом с телегой, я рядом с Маланьей, Горын с убиенным им на телеге. Пока шли-ехали я с интересом крутил головой, но так ничего нового и интересного для себя и не увидел. Вроде, местность как местность. Точно такая же, как у меня дома. Луга какие-то. Поля. Справа лес. Потом, когда от него отъехали – лесополосы. Вот не верится, что куда-то в Алат попал. Или как там этот мир называется. Только когда город увидел, понял, что отличия всё же есть. Хотя, назвать городом этот вот населённый пункт у меня язык бы не повернулся. У нас и деревни покрупнее бывали. Хотя, наверное, для княжества достаточно крупный населённый пункт.

И в отличие от наших окружён ровом, обнесён валом, а на валу – частокол из брёвен. Ну, и через ров мостик деревянный в виде откидывающихся ворот. Я такие на «барчиках» современных видел. Бумс, и откидываются на цепях. Только здесь не цепи были, а толстенные канаты.

На воротах стояли двое явно служивых людей в алых кафтанах. На плечах – ружья. В руках алебарды – топоры на длинных ручках. Я их изображения ещё из учебников истории помню. И тут бы подумал, что в прошлое провалился, да только вот название мира не соответствовало названию земли. Хотя язык явно наш, русский. Да и княжество... То ли параллельный мир какой-то с ответвлениями, то ли одно из двух. Впрочем, я откинул все мысли и сосредоточился на главном – в любой непонятной ситуации нужно выжить и выполнить поставленную задачу. Правда, задачи мне никто здесь не ставил, потому список сократился пока что до одного пункта.

Уже когда к воротам подходили, Маланья покосилась на меня и спросила:

– Господин, а вы откуда? Судя по говору – издалека? Может, из Нежеголи самой, али и вовсе из столицы?

Я мучительно стал думать, что соврать. Про здешнюю жизнь я не знал ничего. Потому брякнул первое, что в голову пришло:

– Не помню.

– Понятно, – кивнула женщина. Уж не знаю, поверила или

нет. Уточнить не успел, потому как телега въехала на мост, а служивые преградили путь.

– Откуда? – спросил тот, что повыше, здоровый, широкоплечий, рыжий, с изогнутой бровью и губами, будто вареники.

– Из Выселок мы, – быстро заговорила Маланья, – Везли с братом мёд на продажу, а по дороге на нас разбойники напали! И вот, господин Омон убил бандита голыми руками, второго застрелил, а третьего связал и в телегу бросил!

Я чуть не закашлял, когда услышал, как меня крестьянка назвала. Уже мелькнуло в голове, что опоили меня и разыгрывают так искусно, но потом вспомнил вдруг, что, когда Горына в плен брал, орал на всё поле «работает ОМОН!».

И рыжий верзила и второй – темноволосый крепыш с вислыми усами с интересом на меня уставились. Темноволосый протянул руку, я пожал, и он представился:

– Дамир!

– Виктор, – в свою очередь назвал я своё имя.

– Руслан, – рыжий тоже пожал руку и спросил: – Зачем в наше Приграничье приехал – дело твоё. Здесь никто вопросы задавать не будет. Раз против разбойников пошёл – уже человек хороший. Откуда ты, спрашивать тоже никто не будет. Захочешь – расскажешь. Не захочешь – вольному воля! Вон, с Дамиром три года в дружине, а я до сих пор не знаю, откуда он и из какой семьи. Приграничье уважает выбор каждого. И кто как сюда попал – никого не касается.

– А ежели к нам в дружину захочешь или в стражи – будем рады! Нам отчаянных людей ох как не хватает! Ты зайди к воеводе нашему!

– Зайду, – обескураженно кивнул я. Дело-то, похоже, налаживается. Приграничье – вон оно как. Видать, вроде нашей Белгородской черты веке в семнадцатом. С Дона выдачи нету. И кто с чем пришёл – никого не волнует. Тут новая жизнь у людей начинается.

– На телеге кто? – уже у Маланьи спросил Дамир.

– Брат убитый, – шмыгнула носом крестьянка, – И разбойник, полонённый господином Омоном.

– Брата похороним за счёт городской казны, – рыжий Руслан подошёл к телеге и ткнул притихшего разбойника. – А этого забираем на суд, да на расправу.

Здоровый дружинник удивил даже меня, потому как взял Горына и будто котёнка спокойно вытащил из телеги и поставил на ноги. Осмотрел критически и повернулся к Маланье:

– Ты тоже обязательно зайди прямо сейчас к воеводе. Он и насчёт похорон распорядится, и расскажешь, как напали. А этот в темнице посидит до суда, – рыжий повернулся к воротам и крикнул: – Геранька! Отведи злодея в тёмную!

Из ворот вышла деваха в таком же красном кафтане. И с ружьём на плече. Я выпучил глаза и Дамир весело засмеялся:

– Геранька всех удивляет, Виктор. Но стрелок она отличный. И службу несёт исправно.

– Да я что? – улыбнулся я, – Просто неожиданно.

Глава 4. Предложение.

У ворот, сразу на входе в город, мы с Маланьей разделились. Она с телегой поехала куда-то к торговым дворам, а я пошёл в центр Мышинска к воеводе. Служивые дорогу объяснили просто:

– По этой улице чешешь, не сворачивая, она два раза изогнётся и выведет на площадь. Там слева церковь, рядом ратуша. Справа от ратуши длинное двухэтажное здание деревянное – в нём как раз «Приказ» наш и казармы. Воевода наш – Борис Ястребов – встретит и выслушает. Расскажи, не тая, про разбойников.

Я кивнул и пошёл неторопливо по незнакомому городку. Очень хотелось понять кто здесь, и где, чёрт побери, мои тапочки. И куда я попал в конце концов. Думаю, мозг наш, натренированный фантастическими фильмами и книгами, намного проще справляется с чудесами. Потому, пусть и с трудом пока, но принимал реалии окружающего и смотрел-смотрел по сторонам. Дома тут были хоть и добротные, но деревянные. Клонившееся к закату солнце освещало суровые бревенчатые срубы. Впрочем, народ суровым не выглядел. Здоровались все, видать, так принято было. Ну, и я в ответ кивал, даже ручкой махал. Так и добрёл до площади, быстро определил, где казармы и потопал к ним. На входе в казармы стоял детинушка в таком же красном кафтане, как

бойцы на воротах. Детинушка отслонил от стены алебарду и лениво спросил, к кому это я направляюсь. Когда услышал, что к воеводе, просто качнул подбородком в сторону двери, проходи, мол.

– Налево по коридору, последняя дверь! – уже в спину буркнул мне, вновь прислоняя алебарду к стене. Я кивнул, показывая, что услышал, и потопал по дощатому полу налево. Перед последней дверью замер, вдохнул, будто в омут нырять собрался, и постучал решительно.

– Ого, – послышалось из-за двери, – Ну,ходи!

Я вошёл в тесный кабинет, половину которого перегораживал массивный грубый стол. А за столом сидел такой же массивный мужик – суровый, грузный и бородатый. Он внимательно посмотрел на меня и улыбнулся вдруг:

– Только прибыл в Приграничье?

Я кивнул, а он пробасил весело:

– Ты за последние лет десять первый, кто стучит в дверь, я уже и забыл, что это такое, – и расхохотался гулко, – Люди тут простые, бесцеремонные. Грамоте и то не сильно обучены. Ты-то писать-читать умеешь?

– Вроде учился, – осторожно ответил я.

– Зовут как?

– Виктор.

– Ко мне кто прислал?

– Руслан и Дамир, – я посмотрел на массивный стул напротив стола, и воевода вновь захохотал:

– Садись, не стой! Если стучишь, то и сесть разрешения ждать будешь? И отвыкай от столичных привычек. Тут захотел сидеть – сиди. Хоть ложись, лишь бы другим не мешал.

Я снял с плеча ружьё, аккуратно присел, и воевода откинулся на спинку кресла:

– Ну, рассказывай!

Я быстро рассказал, как бандиты напали на Маланью и её брата. Как пришлось вступить с ними в схватку. Воевода слушал внимательно, кивая время от времени. В самом конце рассказа спросил:

– Разбойника отвели в тёмную?

– Да, – кивнул я.

Борис Ястребов пожевал губами и произнёс:

– Мужик ты здоровый, и плечи широкие. Но чтобы голыми руками разбойника удавить...

– Да я, – начал было я, да вовремя запнулся. Сказать, что мастер спорта по дзюдо и самбо – подумает, что сумасшедший какой-то. Вряд ли тут они слышали про такое. Потому помялся чуть и произнёс: – Учился борьбе. Специально. С мастерами всякими.

– Вона оно как, – уважительно протянул воевода. И тут же спросил: – Покажешь? У нас на входе как раз Ярёма стоит. Самый здоровый из дружинников. Я не сумлеваюсь в твоих способностях, но глянуть бы хотел. А там, может, и предложение сделаю хорошее. Ну как?

За всё время воевода ни разу не спросил ничего, кроме

имени. И меня это вполне устраивало. Я кивнул согласно, и Ястребов тут же вывинтил своё грузное тело из-за стола и потопал к выходу. Я следом. На улице воевода хлопнул по плечу детинушку, вновь взявшего алебарду, и сказал:

– Ярёма, заборешь новичка – с меня чарка! Не заборешь – лишняя смена!

Детинушка враз оживился и посмотрел на меня с интересом. Его радость понять было можно: на голову повыше меня и на полцентнера потяжелее. Уже, считай, победу праздновал, забыв, что хвалятся только идучи с рати, а не наоборот. Но я детинушку не разочаровывал, наоборот, подпустил на лицо немного испуганное выражение. А Ярёма отставил вновь алебарду и спросил:

– Сейчас бороться?

– А чего тянуть? – хохотнул воевода. И протянул руку мне: – Давай, оружие подержу!

Я быстро стянул пояс с кобурой и подсумком, передал ружьё и покрутил головой, разминая шею. Потом глянул на Ярёму и спросил:

– Готов?

– Я всегда готов, – ощерился детинушка и шагнул ко мне, протянув руки.

Бороться со здоровяком оказалось до ужаса скучно. Техники у него не было никакой. Я легко схватил руку, поднырнул и провёл бросок. Ярёма брякнулся об землю так, что пыль поднялась. Впрочем, вскочил быстро и вновь ко мне

направился. И вновь полетел на землю. Трижды я отправлял детинушку в пыль, проведя бросок через бедро, потом бросок с захватом пятки, а последний и вовсе с переворотом. После третьего броска Ярёма уже вставал не так бодро, а когда поднялся, обиженно держался за правый бок. Я его понимал – приложился мужик нехило. Ушиб печени минимум заработал. А воевода глядел весело и даже в ладоши хлопал.

– А что, Виктор, стрелять умеешь прицельно? А то у меня половина дружины в корову с пяти шагов из ружья не попадают!

– Да учили, вроде, – нерешительно ответил я, и воевода пробасил удивлённо-изумлённо:

– Учи-и-и-ли? Ну, глянем, чему научили!

Повернулся к Ярёме и приказал:

– Вставай на пост! Пока совсем тебя Виктор не искалечил!

А сам пошагал размашисто за казарму. Я поплёлся следом, спрашивая себя, стоило ли демонстрировать свои навыки. Но теперь уже отступать было поздно. Потому сноровисто топал за неожиданно быстрым воеводой. Когда зашли за казарму, я увидел что-то вроде полигона. Небольшого – метров двадцать на пятьдесят. Воевода буркнул «стой здесь» и отошёл в самый конец. Там на деревянном щите мелом нарисовал круг с голову размером и крикнул:

– Видишь?

– Вижу, – крикнул я в ответ. Ястребов кивнул и подошёл

ко мне:

– Стреляй!

На полигон вышло ещё человек пять дружинников в красных кафтанах. Я заметил, что они ещё из окон казармы наблюдали за нашей с Ярёмой борьбой, а теперь, видимо, решили поближе подойти. Хотя, мне они не мешали. Я лишь пожелал себе, чтобы ружьё было хоть чуть пристреляно. Снял его с плеча, посмотрел, чтобы пыж был на месте, прислонил фузею к плечу, вдохнул, выдохнул, прицелился и плавно нажал на курок. Выстрел грянул не сразу, но я к этому уже привык, потому ждал замерев. Сразу же после выстрела воевода быстро отправился к щиту, посмотрел на круг и покачал удивлённо головой:

– Ты смотри! Почти в центр попал! А повторишь? Или случайно?

Я кивнул плечами, достал подсумок и принялся неторопливо заряжать ружьё. Зарядил, прицелился и вновь выстрелил. Ястребов вновь пошёл к мишени, внимательно посмотрел и хмыкнул.

– Прямо почти в эту же дырку попал, – восхищённо проговорил он, и спросил резко: – Пойдёшь к нам? Десятником сразу сделаю!

Глава 5. Десятник.

Задумался я совсем ненадолго. Всю жизнь служил, а тут сами предлагают. Где я и зачем – потом разберусь, но с восемнадцати лет хорошо усвоил одно правило – служба пропасть не даст! Накормят, напоят, обуют, оденут. Всё остальное вторично и не так важно. Потому кивнул согласно и сразу спросил:

– Жалованье? Паёк?

Воевода аж закашлялся от моего напора, но ответил степенно:

– У дружинника десять франков в месяц жалованье. У десятника двенадцать. У тебя будет пятнадцать, если будешь обучать стрельбе и борьбе остальных. Мы на довольствии государевом, обоз с жалованьем приходит раз в три месяца. Откуда ты прибыл, и кто ты – спрашивать никто не будет. Сам знаешь, что Государь специальный Указ подписал о том, что в Приграничье за прошлое не спрашивают. Но ежели есть враги-кровники, лучше сразу скажи, чтобы знали, чего ожидать.

Я аж немного растерялся от обилия информации, потому начал с последнего:

– Врагов-кровников нету!

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул воевода, но перечить не стал.

– Учить буду, так что на пятнадцать франков согласен! – говорить, что понятия не имею, сколько это – не стал. Позже разберусь с ценами и прочим. – А жить где?

– В казарме, знамо, – Ястребов махнул рукой на двухэтажное здание, – У нас полная сотня, но десятников всего пятеро, потому два десятка под командование возьмёшь. Сотника тоже нету, потому я и за воеводу, и за сотника.

– И жалованья два? – невинно спросил я, и воевода закашлялся вдруг, выпучил глаза, а после расхохотался оглушительно:

– Ну, Виктор! Я не спрашиваю, откуда ты, и кто тебя борьбе да стрельбе обучал, а ты про жалованье не спрашивай! Меньше знаешь – крепче спишь!

– Да это так, к слову пришлось, – нарочито скромно потупил я глаза.

– Вещи есть? – отхохотавшись спросил воевода.

– Всё, что со мной, вот, в мешке, – пожал я плечами.

Ястребов подозвал немолодого приземистого и хмурого от лба до подбородка мужичка:

– Болдырь, проводи своего десятника на второй этаж, покажи ему крайнюю комнату! Там жить будет! – воевода вновь повернулся ко мне: – Разместишься, и иди сразу ко мне. Документ подпишем, да познакомлю с градоначальником нашим! А завтра уже к службе приступишь!

Остаток дня пролетел в суматохе. Десятники в отличие от дружинников жили отдельно. Рядовые располагались на пер-

вом этаже в общей казарме, а младший командный состав наверху. Я осмотрел небольшую комнату с крепкой, приземистой дубовой кроватью и шкафом, сбитом из толстенных досок. Потрогал рукой матрас, который был набит то ли соломой, то ли опилками. Но, всё лучше, чем на голых досках спать. Потом выглянул в окно, присел на стул на мгновение, да потопал к воеводе. Там подписал бумагу о зачислении меня в государеву дружину города Мышинск с назначением мне жалования согласно статусу в пятнадцать франков в месяц.

– А чего у города название такое? – спросил я воеводу, – Не могли назвать Славным? Или Гордым?

– Славный да Гордый есть уже, – Ястребов человеком был весёлым, и посмеивался постоянно: – А тут, когда народ заселился, мышей было – не счесть. Вот и назвали Мышинском.

– И что сейчас с мышами? – осторожно поинтересовался я.

– Сейчас повывели. Кошек навезли, и вообще, – Ястребов задвинул в стол документы, достал оттуда кошель, взвесил в руке и кинул мне, – Тут пятнадцать франков подъёмные. Надобно иметь красный кафтан, оружие и прочее. Про прочее у Болдыря узнаешь, он подробно расскажет. И будет помощником твоим на первое время. Я хотел его в десятники уже от безысходности. Да ни читать, ни писать Болдырь не умеет. Да и сам отказывается, хотя мужик смышлёный и ав-

торитетный.

К здешнему градоначальнику мы шли ровно полминуты, потому как здание ратуши располагалось рядом с казармами. Впрочем, ратуша от казарм и не отличалась сильно. Тоже двухэтажная, бревенчатая. Только в ней не жили, потому всё внутреннее пространство разделено было на кабинеты. В одном из кабинетов на первом этаже располагался и градоначальник – Ростислав Окружный. Дядька высокий, нескладный, худощавый, с небольшими усиками и такой же небольшой бородкой. Встретил нас Окружный даже не в самом кабинете, а в коридоре, но сразу же завёл к себе, усадил и потребовал клерка принести три кружки кваса. А потом требовательно устался на воеводу.

– Знакомлю тебя с новым десятником, – посмеиваясь в бороду, сказал Ястребов.

– Ростислав Игоревич, – градоначальник встал и коротко кивнул головой.

– Виктор Петрович... Омон, – я тоже встал, кивнул и даже каблуками щёлкнул. У градоначальника глаза расширились, и он к воеводе повернулся:

– Где нашёл?

– А он сам нашёлся, – захохотал воевода. – Шёл, говорит, по лесу, увидел четверых бандитов, которые пасечника с сестрой ограбили. Двоих голыми руками убил, третьего застрелил, а четвёртого полонил и в Мышинск привёз. Я уже всё проверил, бандит в остроге всё подтверждает.

– Голыми руками? – неверяще спросил градоначальник.

– Точно тебе говорю! – продолжал веселиться Ястребов, – Он при мне с Ярёмой боролся. Думал – насмерть зашибёт! И стреляет, как я не умею. Говорит, обучали его особо борьбе, да стрельбе.

Окружный повернулся ко мне и произнёс вежливо:

– Весьма рад знакомству Виктор... Петрович, – Ростислав откашлялся, – Нравы у нас тут простые. Стараемся друг к другу по имени-отчеству, когда наедине, то и по имени можешь называть, если ты не против.

– Да я только за, – я мало что понимал в происходящем, и почему вдруг градоначальник чуть ли не лебезит передо мной, тоже понять не мог. Впрочем, воевода быстро объяснил:

– Что, Ростислав Игоревич, тоже думаешь, что не из простых господин Омон? Вот мне такая же мысль закралась, но кроме десятника должности предложить ему нечего. Да и на службу глянуть надо! Виктор Петрович согласился ребят наших тренировать борьбе да стрельбе. А то после последнего нашествия, сам знаешь, из сотни два десятка остались. Остальных собрали – слёзы, а не бойцы! Так я жалованье ему положил пятнадцать франков. Надо б завизировать!

– Конечно! – закивал градоначальник, – О чём речь? Давай документ!

Воевода протянул Окружному договор, а тот достал печать, макнул её и оттиснул на бумаге. Тут же песочком посы-

пал, сдул аккуратно и протянул назад воеводе. Я понял, что официальное зачисление в дружину состоялось, о чём воевода тут же громогласно объявил. А потом я пошёл с Болдырем на рынок, который был сразу за площадью, то есть, опять по месту. И тут впервые увидел гмура. Он вывернул из-за угла, и вначале я подумал, что это просто лилипут. Бородастый и щекастый. Но следом за ним вышли ещё трое, такие же вальяжные, напыщенные, в камзолах, украшенных яркими блёстками. Впрочем, с Болдырем они поздоровались довольно открыто и даже дружелюбно. Даже поинтересовались, кто я. Когда узнали, что новый десятник, тут же принялись представляться.

– Валет, – протянул крепкую жилистую руку самый нарядный из гмуров, тоже бородастый, розовощёкий.

– Пик! – протянул руку и второй, совсем безусый, с мясистым носом и тонкими губами.

– Ковыль! – третий, самый низкий, но самый широкий из всех, тоже поручкался.

Я тоже представился, и, наконец, пошёл всё же на местный рынок. Болдырь озвучил список вещей: котелок, фляга, вещмешок, сапоги, красный кафтан. Продукты выдавались дружинникам в казарме, но ежели кто хотел кушать своё – тоже не возбранялось. Я подошёл к первому же торговцу флягами и ткнул в одну из них – алюминиевую по виду, и достаточно крепкую:

– Сколько?

– Три десима, – искренне глядя в глаза ответил торговец. Вот только подошедший Болдырь даже охнул, услышав такую цену и заорал:

– Да ты с ума сошёл, Игнашка? Совести у тебя нету, или крест куда дел? Ты какую цену десятнику ломишь?

Торговец аж взбледнул малость и сказал тут же:

– Прощения прошу, ваше благородие! Думал, что залётный торговец какой, больно у вас одёжка необычная! Для своих – половину десима! И ежели что нужно ещё – не стесняйтесь, продам по самой низкой цене!

Глава 6. Наука Родину любить!

В шесть утра мои два десятка вместе с остальными дружинниками сладко дрыхли. Я удивлённо поморгал и подошёл дневального, который тут назывался по-другому, но исполнял те же функции:

– Как зовут? – спросил я дружинника.

– Святогором кличут, – парень немного удивлённо смотрел на нового командира, то есть, на меня.

– Вода здесь ледяная где? – тихо спросил я Святогора.

– В колодце, – кивнул бритым подбородком дружинник в сторону выхода.

– Бери два ведра, и набрать из колодца воду! Время тебе две минуты! – Святогор пытался было что-то сказать, даже рот открыл, но я посмотрел на дружинника так, что он захлопнул рот и кинулся на улицу. В две минуты уложился, я специально засёк по хронометру, который мне выдал вчера воевода. Одно ведро я отдал дружиннику, второе взял сам. Благо, мои два десятка спали в один ряд, потому я кивнул бойцу, тот размахнулся и вместе со мной жажнул ледяную водичку на сладко посапывающих дружинников.

– Подъём, сучьи дети! – заорал я, – Родина в опасности, а вы тут бока давите? Подъём!

Первый подъём прошёл феерично. Дружинники, только собранные в подразделение, вываливались из кроватей, па-

дали, сталкивались друг с другом и не могли даже толком понять, что происходит. Только Болдырь более-менее успел быстренько натянуть на себя штаны, кафтан, да запрыгнуть в сапоги. Остальные бестолково метались по казарме. Я наблюдал за этой картиной пару минут, а после заорал:

– Становись! Замерли, бараны!

Что примечательно, вместе с моими двумя десятками вскочили и остальные дружинники. Кто-то начал одеваться, кто-то побежал голым за оружием. На крики спустились ещё двое десятников, с которыми меня познакомил вчера воевода – Грек и Касым. Они удивлённо посмотрели на светопредставление в казарме, быстренько поднялись, и через пару минут спустились уже полностью одетыми и при оружии. В это время дружинники кое-как выстроились в проходе между кроватями, который у нас всегда назывался взлёткой. Я прошёл перед строем испуганных, притихших дружинников и распорядился:

– Бойцы не из моих десятков могут дальше спать, у вас есть свои командиры!

– Виктор, – подал голос Касым: – Наши пусть-ка тоже в строю постоят! Полезно будет!

Я кивнул согласно. В итоге четыре десятка бойцов пошли к кроватям, а шесть десятков остались переминаясь на взлётке.

– Вы были взяты в славную дружину города Мышинска! – привычно заорал я, – Для чего?

Дружинники хранили гробовое молчание, и я ткнул пальцем в рыжего Руслана, встретившего меня на воротах:

– Ты! Для чего тебя взяли в дружину?

– Дык, – ответил парень и я заорал:

– Дыкать дома надо! А здесь служить! Вам выдали жалованье! Вас кормят и одевают! Вы на государственной службе и несёте высокое имя государевых дружинников! И что я вижу в итоге? Стадо баранов, не умеющих даже встать вовремя! Посему сегодняшний день начнём с тренировки подъёма! Вы должны будете встать, одеться и вооружиться за две минуты! И пока не сделаете этого – на завтрак не пойдёте! Отбой!

Дружинники оторопело топтались передо мной, и я спросил зловеще:

– Что не понятно в команде отбой?

– Так встали ж уже, командир! – проскрипел вислоусый Дамир.

– Да хоть сдохли! – заорал я, – Приказ выполнить! По кроватям, сучьи дети!

Дружинники побежали ложиться. Грек и Касым подошли и встали рядом со мной. Грек достал сигаретку и принялся задумчиво раскуривать:

– В гвардии служил?

Я махнул рукой, и жест этот можно было истолковать, как угодно. Грек истолковал как хотел, и удовлетворённо кивнул.

– Я время буду засекаать, Виктор, – Касым демонстративно достал хронометр и подмигнул.

– Отлично, как только пройдёт две минуты после команды подъём – кричи! – я посмотрел, как последний дружинник улёгся, подождал немного и заорал: – Подъём!

Второй раз дружинники действовали более слаженно. Количество столкновений головами и прочими частями тела снизилось вдвое. Часть бойцов даже успела одеться, но бо́льшая часть всё искала, кто китель, кто штаны, кто здравый смысл.

– Две минуты, – отчитался Касым, и я заорал:

– Замереть! Смирно!

Бойцы замерли, и я их понимал. Вот так, неожиданно, спросонья и прививается искусство беспрекословного подчинения. Я пошёл по казарме, разглядывая чудо-воинов. Кто-то застыл с портянкой, кто-то натягивал камзол. Я высил голос:

– Бараны по сравнению с вами, недоумками, просто учёные мудрецы! Ребёнок сумеет одеться за две минуты! Но вас в детстве, видимо, слишком часто роняли головой на пол! Оттого головы у вас сделались крепкими, но бестолковыми! Ещё один такой подъём и я лично попрошу воеводу разогнать к чёрту таких воинов и набрать десятилетних детишек! С них толку больше будет! Отбой!

Дружинник застонали и кинулись к кроватям. Я подождал, пока улягутся, и вновь скомандовал «подъём». Так мы

развлекались около часа, и в конце концов дружинники за две минуты научились вскакивать и одеваться. В процессе я рассказал и показал им, как нужно складывать кафтаны, штаны и ставить сапоги с портянками. Объяснил, что только дебил будет расстёгивать пуговицы на кителе, тьфу ты, кафтане. В общем, ещё через пару часов все шестьдесят дружинников более-менее справлялись с основной функцией. Тут подтянулись и двое других десятников, которые жили не в казарме – Ливий и Иван. Служаками они были опытными, потому и свои десятки заставили тренироваться вместе со всеми. Когда пришёл воевода, я гонял уже всю сотню в хвост и гриву. Ястребов посмотрел на это минут пять. Не сказал ни слова и молча удалился в свой кабинет. Я не стал гадать, нравится или нет моё нововведение. Решил, что сам потом сообщит. И когда после очередного подъёма дружинники наконец более-менее уложились в норматив, смилостивился:

– На сегодня хватит! Мои два десятка – на улицу – бегом марш!

Кто-то из моих дружинников заматерился, но так как сделал это тихо и в общем гвалте, я пока сделал вид, что не заметил. Потом уже научу Родину любить по-настоящему. И когда два десятка моих бойцов выскочили, заорал:

– Болдырь, ко мне!

Болдырь, кстати, который вскакивал и ложился вместе со всеми – не возмущался ни разу. И даже, как мне показалось, от происходящего испытывает настоящее удовольствие. Вот

и из строя он выскочил бодро, подскочил и оттрапортовал:

– Прибыл, господин десятник!

– Назначаешься моим помощником бессменно! Отныне находиться рядом и бдеть, чтобы все выполняли приказы! Сейчас первый приказ – за мной – бегом марш! Болдырь, ты бежишь сзади! Кто отстанет – подгонять всеми способами!

Болдырь тут же взял прислоненный к казарме дрын, похожий на черенок от лопаты, и в строю застонали. Я улыбнулся ласково и побежал вокруг казармы, а из окон её за нами наблюдали оставшиеся там дружинники. Наблюдали с явным облегчением, но мне на них было всё равно. Мне поручили два десятка, и нужно было сделать из них бойцов, потому как воевода вчера обрисовал такую картину, что надо быть готовым ко всему. Тут и пираты шалили, так как Мышинск на берегу моря стоял. И набеги всякие разные бывали. Во время очередного набега, кстати, почти полностью погибла прошлая дружина, не сумевшая дать отпор озверевшим выходцам из южного халифата. А ещё случались стычки с разбойными ватагами, с мятежниками, бегущими на окраины государства, и с регулярными отрядами халифатов, всё время кусающих Новеградское царство. Приграничье стояло, сражалось, отстраивалось, если горело, и вновь цеплялось зубами в эти земли, выгодные и для торговли, и для земледелия. Государь платил дружинникам хорошие деньги. Ремесленники и крестьяне освобождались от налогов и податей. Вот и шёл люд сюда, защищать южные рубежи государства. Но чтобы

выжить, требовалось больше, чем желание заработать десять франков в месяц. Вот я и решил натаскать своих дружинников, чтобы и у них, и у меня был шанс выжить...

Глава 7. Два месяца муштры.

После пробежки половина моих подчинённых выглядела, мягко говоря, не очень. Я их построил, осмотрел критично и сообщил:

– Если кто-то думал, что устроился на тёплое место и будет получать десять франков, валяясь в казарме и распугивая бабок на воротах, то он очень сильно ошибся! Если кому не по нраву служба – верните задаток в казну и вон из дружины! Остальные на завтрак шагом марш!

Пошли все, но мне показалось, что из строя вновь раздался слаженный стон. В этом я увидел плюс – слаженность налицо, так как стонать уже в унисон научились! После завтрака я дал бойцам полчаса отдохнуть и погнал их на полигон. Туда же вышел и воевода. Он сел на скамеечку и молча смотрел за мной. Я же взял в руки ружьё:

– Сейчас мы будем учиться стрелять! Берём каждый своё ружьё и внимательно смотрим! Лучше всего стрелять лёжа, чтобы руки упирались в землю. Приклад упираем в плечо вот так.

Дальше я полчаса рассказывал, как надо целиться, нажимать на спусковой крючок. Стрелять из положения лёжа, сидя, стоя. Потом решил проверить результаты. Они меня ужаснули. Из двадцати человек попасть в мишень с первого раза смогли всего пятеро. После этого началась индивиду-

альная работа. К обеду, который уже был больше ужином, я решил закончить, естественно, небольшим кроссом. И только сейчас увидел, что воевода всё ещё на полигоне. Когда я отправил бойцов на обед-ужин, он подошёл и сказал без обычной ухмылки:

– Пойдём в кабинет.

Внутри у меня что-то дрогнуло. Я уже проклял себя за неужённое рвение, но, делать нечего, поплёлся за Ястребовым. Когда зашли, он приказал своему ординарцу Прошке сделать две чашки кофе, побряхтел и начал беседу:

– Так уж получилось, что я больше по сторожевой службе был всегда. Страж до мозга костей. Да по организационной службе. Не военный я человек. Был у нас тут дворянин, лейтенант. Он и командовал сотней, а я выполнял функции воеводы. Подо мной ещё и Сторожевой приказ, и налоговый. Но вот беда – погиб лейтенант. А я воинскую службу так хорошо не знаю. Но то, как ты дружинников гоняешь, мне нравится. Ты вот что, бери-ка всю сотню и тренируй! Будешь десятником... пока. Но другие десятники под твоё командование перейдут. И если всё хорошо будет, я думаю, выйдем мы тебе должность сотника!

Я аж кофе поперхнулся, но над предложением задумался.

– А жалованье? – спросил воеводу. Теперь поперхнулся кофе он, и весело заржал, став опять тем самым Ястребовым, с которым я познакомился:

– Тридцать франков! Извини, больше не могу, это итак

жалованье сотника!

– Годится, – я радостно улыбнулся и встал: – Могу приступить к обязанностям?

Воевода лишь рукой махнул, и я вышел из кабинета...

Два месяца я гонял мышинскую дружину в хвост и гриву, и могу сказать, что результаты уже были впечатляющими. Утро я, как всегда, встречал на полигоне, когда ко мне прибежал Прошка и заорал:

– Ваше благородие, вас воевода просят к себе зайти!

Я повернулся к Болдырю и распорядился:

– Проследи, чтобы всё правильно сделали!

Болдырь кивнул, а я пошагал вслед за Прошкой. Хотя я был всё ещё обычным десятником, ко мне все стали обращаться «ваше благородие». Я не спорил, пусть их. Не настолько я скромный, чтобы субординацию отрицать. Принято, что сотника благородием величают? Ну, ладно, величайте. С меня не убудет. Тем более, за два месяца мы больших успехов достигли и из сотни людей, больше напоминающих ватагу, наконец, сумели сделать что-то отдалённо похожее на боевое подразделение. Часть занятий я взял из тактики омовской, часть из армии. Там тоже много чего умного и полезного найдётся. Бойцы мои прилично стрелять научились, благо, пороху город на дружину не жалел, потому практики хватало. А ещё я жадно изучал современную тактику ведения боя, и оказался, мягко говоря, в недоумении. По словам Болдыря и других старых солдат тактика тут была идиотской

донельзя. Противник шёл строем и стрелял по тебе. Ты стоял строем и стрелял по противнику. На мой вопрос об укрытиях, Болдырь пожал плечами и флегматично заметил, что из-за городской стены стрелять, конечно, удобнее и безопаснее. Но во время последнего нападения бывший сотник вывел дружину в поле, так как посчитал, что это более благородно.

Я покрутил пальцем у виска и увидел немое одобрение в глазах бывалых солдат.

– Так, бойцы! Отныне тактика у нас будет другой. Если нападение на город – работаем только из-за стен, не высываясь. Если оказались в поле или другой местности – используем любые укрытия! Завтра же попрошу воеводу изготовить для дружины небольшие лопатки, и начнём увлекательнейшие занятия по рытью окопов, – я плотоядно усмехнулся: – Уверен, вам понравится!

Бойцы вздрогнули, и я задумался. Последнее время от моей улыбки они всё чаще вздрагивали, хотя, казалось бы, почему? Улыбка у меня широкая, добродушная. Местами даже ласковая. Ведь для них же, неблагодарных, стараюсь! Мы с ними учили тактику действия десятка, двух десятков, в составе сотни и полусотни. Как бежать, разворачиваться. Как залегать и окапываться. Окапывание моим бойцам особенно понравилось. Столько матов я не слышал давно. Правда, при моём приближении бойцы материться переставали и начинали молиться. Что я тоже приветствовал. Набожность – хорошее качество человека! Должен человек во что-то верить.

Или в кого-то. А Господь – самое подходящее для веры.

А я, кстати, разрабатывал эту самую тактику, исходя из особенностей оружия. Ружья местные были хоть и гладкоствольными, но мощными. И на сто-сто пятьдесят метров достаточно прицельными. Дальше уже пуля летела, куда ей вздумается. Но плотный огонь целой сотни был достаточно впечатляющ. Единственное – время перезарядки оказалось долгим. Засыпь пороху, утрамбуй пыж, затем затолкай пулю и вновь утрамбуй пыж. А потом уже стреляй. Впрочем, я вспомнил, что были в русской армии так называемые «патроны». Не современные, к которым мы привыкли, а другие. Это бумага с уже отмеренным порохом и пулей. Нижнюю часть патрона солдат отгрызает, сам патрон быстренько вставляет в ствол и шомполом трамбует. Время сокращается минимум в пять раз.

Идею эту я рассказал воеводе. Он подумал и дал указание гмурам, которые были лучшими мастеровыми, попробовать изготовление бумажных патронов. К моему удивлению, всё получилось в лучшем виде. И если раньше на перезарядку требовалась минута, то сейчас за минуту мои бойцы могли сделать четыре, а то и пять выстрелов. Это, конечно, делало и боеспособность подразделения в разы мощнее. И если начинать стрелять по врагу за двести метров, где прицеливание и не ахти, но убойная дальность уже вполне подходящая, то пока враг подбежит к тебе, мои бойцы могли успеть сделать три залпа. А если враг шагом идёт, как здешние бараны, то и

вовсе четыре-пять раз выстрелить можно успеть. Ну, и навыки обращения с боевым оружием в рукопашном бою оттачивали до совершенства. С таким огнестрелом – это наиглавнейший навык. Потому каждый день бойцы мои не только кололи штыком и били прикладом, но и учились от штыка уклоняться. В крепости были ещё полусотня кавалеристов, но они подчинялись напрямую воеводе. Как и бомбардиры, а по-нашему артиллеристы. И, кстати, местные пушки вызывали уважение. Были они мощными, здоровенными. Били как ядрами, так и картечью и являлись достаточно мощной силой. Правда, на весь город было всего четыре пушки. Две из них всегда смотрели в море, а две – в противоположную сторону. Я долго просил воеводу сделать пушки более мобильными и дать хотя бы две штуки моей сотне, но тут воевода оказался неприступен. Ну, хозяин – барин. И я работал с тем, что имелось в наличии.

А ещё были в городе два мага. Один – лекарь, а вот второй – настоящий боевой маг. Правда, чем он занимается и на что годится – я до сих пор не понял. Не довелось тесно общаться, да и выпытывать и признаваться, что ты про магию ничего не знаешь – себя выдать. Потому муштровал дружину, «изобрёл» патроны, и знакомился с местным людом. И не только людом. В мире этом оказалось сразу несколько рас. Кроме людей были коротышки гмуры. А ещё какие-то альвины, асилки, чудь и оборотни. Впрочем, из всех я видел лишь коротышек гмуров и оборотней. Все остальные стара-

лись не жить в людских селениях. А оборотни от людей не отличались ничем, кроме металлических браслетов на левом запястье. Но волновало меня сейчас не это, а вопрос – зачем вдруг воевода вызывает меня к себе. Ястребов просто так Прошку дёргать не будет. Да и с занятий вытаскивать без дела не станет. А внутри что-то ёкало, и я понимал, что это ж-ж-ж-ж-ж неспроста. Так и оказалось, потому как в кабинете вместе с воеводой сидел и градоначальник...

Глава 7. Задание

Борис Ястребов грузно поднялся навстречу и протянул руку, поздоровался, будто в тисках мою ладонь сжал. Следом сунул сухую ладонь и градоначальник. Даже поклонился немного, будто журавль качнулся. Воевода, чуть засуетившись, придвинул мне стул и пригласил:

– Присаживайся, Виктор Петрович, поговорить надо.

Я аккуратно сел, гадая, что же случилось, но воевода быстро всё выложил:

– К западу от Мышинска, люди рассказывают, появился отряд супостатов. Кто – непонятно. Знаем, что пешие, навроде. Что двадцать человек всего. Но все вооружённые. Уже беды наделали – хутор разграбили. Надобно разобраться!

– Так если пешие – не проще конную полусотню отправить? И найдут быстрее, и уничтожат без проблем!

– Не проще, – поморщился Ястребов, и пояснил сразу: – Местность там лесистая, а кое-где и болотистая. Лошади только в тягость будут. Да и город оголять... не хочется. Простой набег на Мышинск так же начинался. Там появился отряд, здесь. Выслали полусотню конную да полусотню дружины. В итоге все они в засаду попали. Вернулась еле треть. А тут и под город силы подошли. Хорошо, что маг сумел с соседними городами связаться, пришёл полк большой на помощь. Да от дружины к тому моменту мало что осталось. Да

и ополченцев немало полегло. Потому отправить надо максимум два десятка! Выбери сам, кто пойдёт, и кто с ними старшим отправится! Вместе с ними маг пойдёт! В разведке, сам знаешь, им равных нету!

Я достал сигарету, закурил, воевода тут же подвинул пепельницу и закурил сам. Окружный не курил, поморщился на нас глядя, но смолчал.

– Пойдут два первых десятка, мои которые. И я с ними лично. Тем более, если маг с нами будет. Да и мне надо людей в деле посмотреть. Мало, конечно, тренировались, ну да ничего не поделаешь.

– А как же дружина? – тут же спросил воевода.

– Грека пока вместо себя оставляю. Мужик грамотный. Занятия уже не хуже меня проводит. И службу организовать умеет. Бывалый, сами знаете, десяток лет служит. Не подведёт. Все действия в случае нападения на город мы проговорили и отработали со всеми десятниками, в том числе и с ним. Не сомневайтесь, не подведёт.

– Как скажешь, Виктор Петрович, – кивнул воевода, – Тебе решать. Я бы настоял, чтобы вместо себя Грека лучше отправил, но тебе виднее.

– Виднее, – кивнул я, – Опять же, надо бойцов проверить! Да и себя.

– Так тому и быть! – кивнул Ястребов.

– А что там за ружья новые? И стрелы? – встрепнулся Окружный. – Весь Мышинск две недели только и судачит об

этом!

Я оживился:

– Да мы тут с гмурами попробовали улучшить немного ружья. И в стволе нарезы сделали. По спирали. Заряжаются ружья подольше чуть, но зато и дальнобойность увеличилась в разы!

– И зачем это надо? – с интересом спросил воевода: – Если бьют дальше, но заряжать дольше, в чём преимущество?

– В том, что и прицельность лучше, – я принялся объяснять: – У меня такими ружьями всего пять человек в сотне вооружены. Герань, Болдырь и ещё трое. Лучшие стрелки! Потому и назвал стрельцами! И они могут на дальнем расстоянии бить по командирам врага. А без командования любой отряд превращается...

– В стадо баранов, – кивнул головой градоначальник, и пожевал губами: – Ну что же, умно.

– Как далеко от города отряд? – я поднялся, – Пойду людей готовить, через час выдвинемся.

– Верстах в двадцати, – воевода тоже поднялся, – Через час маг придёт, который с вами отправится. Он дорогу знает. А там уже разберётесь на месте.

Ровно через час два десятка стояли, выстроившись на плацу. Я быстро проверил оружие и амуницию. Много вещей мы с собой не брали – только самое необходимое. Широким шагом до места часа три добираться. Максимум четыре. Нагружать себя чем-то лишним нет необходимости. Взяли су-

хпай, тут был свой аналог из сушёного мяса, сухофруктов, сыра и сухарей, по фляге воды, а остальное оружие и боеприпасы. Воевода вывел мага, невысокого сухощавого юношу. Одет тот был совсем простенько: ни тебе плащей, ни посохов. Простой серый кафтан. Простые штаны тоже серого цвета. Да сапоги военные на толстой подошве. И сам в цвет кафтану серенький, незаметный. Лишь алая полоса нашита на рукаве, которая говорила, что это маг. Белёные брови, пепельные волосы, остренький носик. Да какая-то трость небольшая в руке и двустольный пистолет в кобуре, как у меня. Остановился скромно рядом с воеводой, а тот громкогласно представил:

– Маг пятой категории Сергей Снежский!

– Шестой, – смутившись совсем, прошептал юноша.

– Ну, почти пятой, – махнул рукой Ястребов. – В общем, дельный парень, прошу любить и жаловать! Забирайте, и в путь!

Мы быстро вышли из ворот и потопали на запад. Маг шёл рядом со мной, и я искоса на него поглядывал. Юноша шёл ходко, от нас не отставал. Бойцы мои молчали, не до разговоров как-то, когда впереди бой настоящий намечается. Тем более, из двух десятков только пятеро более-менее были обстреляны. Маг тоже молчал скромно. Через пару вёрст он всё же не выдержал, спросил аккуратно:

– Вы уже сражались, господин Омон?

Я хмыкнул неопределённо и ответил магу:

– Приходилось, – объяснять, что приходилось совсем в другом мире и другим оружием – не стал. Война – она и в Гондурасе война.

– Мне ещё ни разу не приходилось, господин Омон, – маг говорил, явно волнуясь, – Нас учили в академии стрелять, и рукопашному бою учили, но по настоящему я не сражался.

– Это не страшно, Сергей, – я улыбнулся юноше, – У каждого бывает первый бой. Но ты, главное, вперёд ребят моих не лезь!

– Да, я понимаю, – всё так же горячо ответил маг. – Нас и учили за строем работать!

– А чему учили-то? – максимально небрежно спросил я Снежского. И жадно приготовился слушать, потому как о работе здешних магов знал ноль целых и хрен десятых.

– Да как обычно, – будто на уроке, принялся отчитываться юноша: – Боевым заклинаниям, заклинания поиска, обнаружения. Категория у меня невысокая, но очень хорошо получается отражать чужие заклинания. И ещё порчу могу хорошо наводить, но для этого, сами знаете, времени много нужно.

– Ага, – на автомате кивнул я, понимая, что надо будет как-то выяснить, что за порча такая и боевые заклинания. Решил начать издали, спросив скучным голосом:

– Нам кроме поиска чем-то сможешь быть полезным?

– Если маг чужой будет и категория его до третьей – не дам глаза отвести. Третья категория и выше, честно скажу –

не мой уже уровень. Были бы пушки, помог бы им на цель навестись. При ранениях тоже помогу, хоть и не сильно. Ну, если до рукопашной дойдёт – огнём могу палить. Но лучше, чтобы рядом не было наших бойцов никого. Контролировать пламя хорошо могут маги первой и второй категории, а у меня выброс хаотичный...

Парень смущённо замолчал, а я уважительно посмотрел на мага.

– Ты говоришь, не дашь чужому магу глаза отвести. Это как?

– Ну, когда прицелиться нормально не даёт, наводит морок. И палят бойцы куда зря.

– А ты можешь отводить?

– Я учусь только, господин Омон, – маг вздохнул: – Это уже пятая категория. Мне пока сил не хватает. Но наставник говорил, что если усердно буду заниматься и практиковать, то достигну даже третьей категории. А это – сами знаете, уже дворянство. Потому я стараюсь!

– Это хорошо, – кивнул я, – Старание и труд всё перетрут! Вон, Геранька подтвердит. Была обычной женщиной, а стала вначале дружинницей, а после и вовсе стрельцом!

Герань, которая вместе с Болдырем шла следом за мной, хмыкнула, но смолчала. Уже копала окоп для стрельбы с лошади стоя, старалась лишний раз не отсвечивать. Порядок и дисциплина в любом воинском подразделении – основное...

Глава 8. Первый бой

Через четыре часа мы устроили привал. Пройдена была бо́льшая часть пути, и перед встречей с врагом необходимо было подготовиться. Болдырь и Сергей утверждали, что разорённый хутор буквально в паре миль отсюда, практически сразу за высоченным холмом, поросшим каким-то кривым, низкорослым кустарником. Я выставил караульных, остальные перекусили и принялись сосредоточенно готовиться. У каждого бойца в подсумке находилось по полсотни бумажных патронов. Часть из них они переместили в открытые патронташи, чтобы можно было беспрепятственно патроны эти достать во время боя. Также я приказал примкнуть к ружьям штыки, чтобы в случае столкновения не тратить драгоценные секунды. Ну, и повернулся к магу:

– Сергей, как ты можешь найти разбойников?

– Как учили, с помощью одноглазого змея, – ответил юноша, – Запущу его и с помощью Глаза буду оглядывать окрестности.

Я чуть не заржал, но вовремя сдержался. Спросил максимально серьёзно:

– Глаза не шоколадного хоть?

– Это какое-то заклинание новое? – оживился Сергей, – Честно скажу, впервые слышу. У меня обычный Глаз. Видящий.

– Кхм, – я закашлялся даже, надеясь, что натурально скрыл смех, – Это я так, слышал где-то краем уха. Может, и заклинание. Так что там с Глазом-то?

– Всё как обычно, – развёл руками маг. Запускаю вверх змея и с его помощью обследую местность с высоты.

– Как коптер, что ли? – изумился я.

– Как что? – изумился вслед за мной маг.

– Да неважно, – я поморщился от своей оговорки, – Когда змея запускать будешь?

– Да сейчас и начну с вашего разрешения, – маг засуетился, – У меня уже готово всё. И я змея могу в воздухе пару часов держать, как маг четвёртой категории. Это одно из моих самых сильных заклинаний!

– Даю разрешение, – кивнул я, – и прекращай господином меня называть. Или Виктор Петрович или командир. Ну, можешь и по фамилии.

– Хорошо, Виктор Петрович, – кивнул маг, быстро развёл руки, пошептал что-то, дунул и еде видная субстанция сгустилась вдруг в воздухе. Повисела прозрачная, подрагивающая. А после взвилась вверх над холмом и полетела вперёд. А Сергей прикрыл глаза. Лишь видно было, как под веками ворочались зрачки. Я притих, притихли и мои бойцы, с суеверным ужасом наблюдая за юношей. А тот заговорил вдруг, отчего я вздрогнул:

– Около сотни врагов левее от нас в трёх милях. Развели лагерь, варят что-то. У них пленные. Две девушки и маль-

чонка.

– Разбойники? – хмуро спросил я.

– Трудно сказать, – маг всё так же говорил с закрытыми глазами: – Вооружены, как настоящие солдаты, но мундиров на них нет, я вижу лишь обычные кафтаны.

– Точно халифат, – зло сплюнул Болдырь, – Эти твари солдат своих посылают, но одеваются они не в форму, а как обыкновенные люди.

– Сотня врагов, – клацнул зубами Дамир, а я кивнул ему ободряюще:

– Не бойся, ты дружинник! И главное не в количестве, а в качестве. Будем брать не числом, а умением! А вы такие бойцы, что пятерым не уступят! Так что силы равны!

Смотрю, приободрились мои дружинники. Воспряли духом. А то носы уже было вешать начали.

– Сергей, рассказывай, что там за местность! – я тронул мага за плечо. Тот вздрогнул и заговорил:

– За холмом с полмили открытая местность, а дальше лес уже начинается, пока ещё не сильно густой. Вот они в лесу и стоят.

– Маги с ними есть?

– Не вижу, – помотал головой Снежский, – Но вот командиры есть. Двое. Они в шляпах красочных. Таких, с перьями. Халифатовцы их любят.

Я подумал пару минут и решил:

– Нападать из засады – не вариант! Первым залпом макси-

мум десяток уложим, и потом придётся с девятью десятками в рукопашной биться! Потому выманивать будем! А теперь слушай мою команду! Идём на холм, там и укрепляемся! И стрелять сверху вниз удобнее. И бежать им труднее в гору. Пока к нам подойдут – залпов пять успеем сделать! Главное – запомните, делать всё как на учениях. Быстро зарядились, прицелились, выстрелили. Первый залп по команде. Потом уже по мере заряжания! Вперёд!

Мы быстро поднялись на холм, и я увидел лес, о котором говорил маг. Вначале он действительно был жидковатым, но после перерастал в огромную чашу, на вид непроходимую вовсе. Я мысленно согласился с воеводой, что коннице тут делать точно было нечего, и приказал:

– Быстро роем небольшие окопы с брустверами! Стрелять будем только из-за брустверов! Не высовываться.

Бойцы молча схватили лопаты и принялись копать. Я с удовольствием посмотрел, как самозабвенно рыли дружинники небольшие окопы и тщательно насыпали брустверы. Всего через тридцать-сорок минут всё было закончено. Я осмотрел своё воинство и спросил:

– Кто готов стать приманкой?

Дружинники переглянулись, но руку подняли всего пятеро: Герань, Болдырь, Руслан, Дамир да Ярёма. Остальные бойцы переглянулись и тоже подняли руки, но я уже выбрал. Девушку отмёл сразу, как и мощных Руслана и Ярёму. Не убегут они. Да и Болдырь уже не юноша. А вот поджарый,

молодой вислоусый Дамир...

Я ткнул в него пальцем и сказал:

– Дамир, пойдёшь ты! Твоя задача подкрасться шагов на сто. Выстрелить в командира и убегать быстро к нам на холм. Пока они сообразят, пока кинутся в погоню... в общем, время у тебя будет. Но немного. Всё понял?

– Понял, командир, – кивнул Дамир, и, прищурившись, посмотрел в сторону леса. Отцепил с себя всё лишнее, попрыгал, проверяя, всё ли закреплено надёжно. Потом глянул на меня: – Готов, ваше благородие!

– А если готов, то вперёд! – я махнул ему рукой, а остальным рявкнул: – Приготовились к стрельбе!

Дружинники быстро разлеглись, положив ружья на брустверы, рядом положили патроны, чтобы быстрее и удобнее заряжать. А Дамир уже легко сбежал с холма, быстро преодолел полмили и скользнул в лес. Мы затаились, напряжённо вслушиваясь. Минуты текли одна за другой. И когда трескуче щёлкнул выстрел, встрепенулись и напряжённо стали всматриваться в лес. Буквально через минуту в лесу началась настоящая стрельба, и маг спросил испуганно:

– Они Дамира увидели?

– Если он правильно всё сделал, то, скорее всего, со страху бьют во все стороны, – пожал я плечами. Потом сообразят, что выстрел был всего один, кинутся в погоню. В итоге, Дамир уже и прибежать успеет.

Всё так и получилось, Дамир выскочил из леса, и успел до

холма добежать, когда из леса появились человек пять врагов. Они увидели одинокую фигурку и заверещали яростно. Двое вскинули ружья и выстрелили. Естественно, промахнулись. Следом повалили остальные: пять, десять, двадцать! Из леса выскочили около полусотни бойцов и, растянувшись, побежали за моим дружинником. Дамир к тому времени уже успел на половину холма взобраться. Я уже видел его счастливое, улыбающееся лицо. Когда он заскочил наверх, то выпалил мне восторженно и яростно:

– Я одного из командиров подстрелил!

– Заряжай, – одобрительно буркнул я и, глядя, как подбегают к холму разбойники, скомандовал: – Целься! Пли!

Залп из двух десятков ружей грохнул над холмом, и десяток бандитов рухнули наземь. Остальные развернулись и рванули обратно к лесу. Мои бойцы успели ещё раз выстрелить, и ещё семеро упали на землю. В это время из леса выкатились ещё десятка три под предводительством какого-то павлина в шляпе с перьями. Он заорал резко на гортанном языке, и убегающие остановились.

Глава 9. Победа!

Бандиты смотрели на холм, в это время из леса выскакивали оставшиеся негодяи. Я внимательно считал, насколько это было возможно на таком удалении. Плюс, вооружённые люди перемещались хаотично, орали что-то. Но получалось, что возле леса минимум восемьдесят бойцов. Рядом с павлинистым щёголем нарисовался ещё какой-то, отличный от всех по одежке мужик. Павлинистый рявкнул, и тот быстро замахал руками, а потом вскинул их вверх, будто птицу в небо запускать. Я внимательно посмотрел на нашего мага и переспросил:

– Так мага среди них нет?

– Простите, – густо покраснел юноша, – Ошибся!

Я повернул голову к Болдырю и спросил:

– Отсюда сможешь снять колдуна?

Болдырь огладил бородку и еле пожал плечами:

– Шагов пятьсот получается. Можно попробовать!

– Добре, – я кивнул и скомандовал ему и Герани: – Цельтесь в колдуна, и по моей команде стреляйте! Даже если раним – уже польза будет!

– Его змей уже над нами, – виновато сказал Сергей.

Видимо, вражеский маг уже сосчитал, что нас всего два десятка, потому что павлинистый в шляпе заорал что-то злобно-торжествующе. А я скомандовал своим снайперам:

– Пли!

Два выстрела грянули почти одновременно, и кто именно попал в мага – загадка. Но попали удачно, прямо в голову. И тот даже без вскрика взмахнул руками и рухнул на землю, забившись в конвульсиях.

– Красавцы! – не удержавшись, заорал я, – Кто в голову целил?

– Я в туловище целил, ваше благородие, – смущённо ответил Болдырь.

– Я тоже, – призналась Герань.

– Неважно! – махнул я рукой, – Важно, что попали на таком расстоянии! А ну, заряжай!

А на представителей халифата выстрел на такое расстояние впечатление произвёл! Предводитель заорал резко, и по команде его все восемь десятков выстроились цепью и пошли на наш холм.

– Подпускаем ближе! – заорал я, – Кто выстрелит раньше команды – тому лично после боя ружьё в задницу засуну и так будет домой возвращаться! Ясно?

– Так точно! – прогудели дружинники.

– После первого залпа заряжаем и стреляем по готовности!

К тому моменту вражеская цепь почти подошла к холму. Бойцы мои изготовились, со страхом посматривая на внушительный строй бандитов.

– Болдырь, Герань! Выцеливаете вожака в шляпе с перья-

ми. Остальные, по врагу – огонь!

Бахнул слитный залп, снова с десятков халифатовцев упали, а дружинники мои тут же принялись заряжать ружья. Бойцы халифата пошли по холму вверх, когда грянул второй залп, почти слитный. Скорость заряжания у моих ребят была высокой, и примерно одинаковой. В этот раз попадания были более точными. И враг приблизился, и бойцы, занявшись привычным делом, которому их учили много дней, стали справляться с волнением. А потом ружья забахали вразнобой, но почти с каждым выстрелом падали враги. В какой-то момент упал и пижон. А потом я метнул вниз две гранаты, предварительно подпалив шнур. Взрыв боеприпасов, разметавший ещё около десятка бандитов, стал последней каплей, оставшиеся в живых развернулись и бросились в бегство. Их оставалось около трёх десятков, и наши бойцы стали азартно стрелять в спины. К подножию холма скатилось около полутора десятков бандитов. До леса добрались всего семеро. Но двоих уже у самой кромки сумели подстрелить Болдырь и Герань, и я удовлетворённо потёр руки и тут же скомандовал:

– Болдырь! Заряжайте ружья и к лесу! Аккуратно, но оставшихся найти и уничтожить! Людей освободить! Маг с вами, пусть смотрит своим змеем, чтобы бандиты засаду не устроили!

Болдырь кивнул, и с одним десятком побежал с холма к лесу. За ним вприпрыжку рванул и Сергей. А я с бойцами

пошёл добывать раненых. Мерзко, муторно, но необходимо. Они хутор с мирными жителями уничтожили, потому приговаривались военно-полевым судом в моём лице к смертной казни. Кормить и поить раненых, да ещё и ухаживать за ними я не собирался. Бросать их мучаться... Тоже не по человечески. Потому приговор – самое гуманное для них, как бы дико это ни звучало! Подходил с ружьём, шевелил тело, и если оно стонало – бил штыком. Единственное, попросил Дамира, который знал язык халифата – найти более-менее легкораненого и допросить.

Когда мы спустились к подножию холма, мне трижды пришлось поработать штыком. Так же усердно старались и дружинники. Внизу я нашёл павлинистого, уставившегося застывшими глазами в голубое небо. Предводитель халифата был ещё очень молод. Я б ему дал максимум лет двадцать. Худой, смуглый, одет с шиком. На пальце золотые перстни. А на поясе красивый ремень с вязью и ножны с длинной саблей. Я осторожно расстегнул пояс, снял с убитого и вытащил клинок из ножен.

– Посеребрённый, – уважительно пробасил Ярёма, стоящий рядом со мной.

– Откуда знаешь? – требовательно спросил я здоровяка, и тот тут же ответил удивлённо:

– Так видно же!

– А, ну да, – закашлялся я, чтобы скрыть смущение. Повертел в руках саблю – что-то среднее между шпагой и ме-

чом. Достаточно тяжёлая, но не чрезмерно. Полюбовался инкрустированной гардой, обмотанной кожаным ремешком рукояткой, удобно лежащейся в руку, и вкинул клинок в ножны, а их стал крепить к своему поясу.

– А с перстнями что делать, ваше благородие? – тихо спросил у меня Руслан.

– Что и со всеми трофеями, – я достал сигарету, подкурил и уселся прямо на траву: – Все трофеи в две кучи! В одну – военные. В другую – цацки и деньги!

Рыжий кивнул понятиливо и прикрикнул на дружинников: – Что стали? Собираем трофеи! – и первый бросился стягивать перстни с убитого халифатского военачальника.

Я уже докурил, лениво наблюдая, как растут две кучи трофейного добра, когда услышал в лесу выстрелы. Герань, сидевшая рядом со мной, дёрнулась, но я успокаивающе улыбнулся:

– Болдырь своё дело знает! Да и сомневаюсь, чтобы убежавшие упыри помышляли о сопротивлении.

– Ваше благородие! – ко мне подошёл Дамир, – Опросил одного из выживших, всё, как и думали – дружина халифата. Регулярные войска. Неделью назад прибыли из столицы, здесь переоделись и пошли в наше Приграничье.

– Какое задание-то у них было? – я медленно встал и подошёл к куче оружия, рассматривая трофейные мушкеты.

– Нападать на деревни и выманить из Мышинска дружину, – Дамир сплюнул, – Пленный пугал, что Мышинск наш

с землёй сравнивают. Мол, целый корпус придёт под стены и уничтожит всех, чтобы не было больше никаких гяуров, неверных, то есть. И, мол, корабли ихние ещё приплывут! Брешет, наверное.

– И сколько в их корпусе? – я повертел халифатское ружьё, заглянул в ствол, посмотрел цевьё и приклад и убедился, что халифатское оружие ничем не уступает нашему.

– Тысяча в их корпусе, – Герань подошла и озабоченно посмотрела на меня: – Если тысяча бойцов подойдёт к городу, да ещё и с пушками...

Девушка замолчала, но продолжать не было надобности. Против тысячи дружина даже вместе с ополчением ничего не сделает. Всё что нам останется – доблестно погибнуть. Я задумался на секунду и спросил Дамира:

– Тут село или хутор есть поблизости?

– В трёх верстах, ваше благородие, – раскосый дружинник махнул рукой куда-то за холм, видимо, направление показывал.

– Тогда бери с собой ещё одного бойца и дуй за телегой с лошадью! Пешком мы всё не потащим!

Когда Дамир убежал, я повернулся к Герани:

– А ты что стоишь? Ты тут одна грамотная. Бери лист, перо и записывай, что с бою взяли! Без записи как ты это всё делить собираешься?

В это время из леса вышел Болдырь со своим десятком...

Глава 10. Хочешь мира – готовься к войне!

Колеса телег мерно поскрипывали на пыльной дороге. Иногда всхрапывали кони, которые тащили эти телеги, а мы с двумя десятками гордо шагали возле подвод, нагруженных трофеями. Трофеев оказалось прилично, потому пришлось позаимствовать у крестьян сразу два воза. Сами колхозники, или как тут они называются, были очень даже рады, так как я им щедро заплатил из трофейных денег. И теперь оба крестьянина счастливо сидели на телегах и мурчали что-то себе под нос. А я шагал, держась за борт повозки, и слушал Гераньку, которая старательно зачитывала:

– Ружей разных калибров сто три штуки! Пистолетов одностольных пятнадцать штук. Пистолетов двустольных – четыре штуки.

– Перепиши! – распорядился я, любовно поправляя на поясе две кобуры с пистолетами: – Пистолетов двустольных – две штуки!

Стрельчиха глянула на меня искоса, но смолчала. Послюнявила грифель и принялась исправлять. Потом посопела и продолжила:

– Сабель – восемь штук, – посмотрела на мою новую посеребрённую саблю, вновь вычеркнула что-то и поправилась: –

Семь!

Я одобрительно хмыкнул и кивнул.

– Ваше благородие, что там ещё взяли, чтобы я сразу вычеркнула? – спросила меня Герань.

– Больше ничего, – я пожал плечами и посмотрел на возы: – Зачитывай дальше!

Девушка посопела, вглядываясь в бумагу, и продолжила:

– Пороховницы и мешки для пуль – сто пять штук. Алесбарды – восемь штук...

Когда мы подъехали к городу, уже прилично стемнело. Но встречать нас вышли человек двадцать. В числе встречающих были и воевода с градоначальником. Ястребов откашлялся и спросил смущённо:

– Рейд удачный получился, смотрю?

– Супостатов побили, – кивнул я, – Только было их не двадцать, а сто три штуки. Все – бойцы халифата.

– Сотня? – распахнул глаза градоначальник и зашарил распахнутыми зенками по нашим рядам: – А у нас сколько погибло?

– А что, должны были? – тут же спросил я. Окружный закашлялся нутужно, и тут же выговорил:

– Да я не в этом смысле, но... сотня янычар...

– У нас потерь нет, – сухо ответил я, – Все живы и даже здоровы. Окромья Ярёмы.

– Что с ним? – вскинулся воевода.

– Ногу растёр, ваше высокоблагородие, – я щёлкнул каб-

луками, – За ротозейство ему назначено два наряда вне очереди!

– Ногу растёр, – истерично хихикнул градоначальник, – Господин воевода, вы слышали? Они двумя десятками ухлопали сотню янычар, а у него боец ногу растёр!

– Слышал, и наказание одобряю, – хмыкнул Ястребов, – Вдруг в бой идти, а боец захромал али вовсе обезножил? За такое и батогов можно! Но за геройство и удачно выполненную операцию по уничтожению бандитов наказание отменяю! Всем бойцам по чарке вина лучшего из запасов города!

Ярёма молча сопел с подводы. Уже уяснили, проглоты, что нельзя влезать в разговор начальствующих субъектов. Были раньше, видите ли, прецеденты. Кто-то сразу в ухо получал, а потом весь десяток копал окопы от рассвета до заката. Нарушение субординации дело такое, мозолистое.

– В бою проявил себя хорошо, вашсокбродь! – я молодецкато тянулся во фрунт, разглядывая в сумерках довольное лицо воеводы, – Потому батоги отменил!

– Если вы сотню янычар уничтожили – все хорошо проявили себя, – Борис Ястребов уже улыбался всюю. Потом спросил благодушно: – На подводах что?

– Трофеи, – я развёл руками: – Оружие всякое, ремни, сапоги. Больно уж хорошая кожа у супостатов оказалась.

– Кожу да, умеют в халифате выделявать, – протянул градоначальник Окружный и засуетился вдруг: – Что ж мы сто-

им? Трофеи пусть разгружают в склады городские, а солдаты отдыхать опосля похода. Вас же, господин Омон, прошу ко мне! В гости и с докладом подробным! Воевода нам компанию составит!

Минут через десять мы сидели уже в доме Ростислава Окружного, служанка накрывала на стол, а я подробно рассказывал воеводе и градоначальнику, как прошёл поход. Воевода лишь покрывал, да шурился одобрительно. Лишь однажды нахмурился, когда я про тысячу янычар сказал, которые на Мышинск идут по словам пленного.

– А пленный соврать не мог? – побледнел градоначальник.

– Да кто ж его знает? – я пожал плечами. В это время мы сели за стол, и градоначальник махнул рукой, мол, кушайте! Я не заставил себя упрашивать, и тут же накинулся на еду. И проговорил уже с набитым ртом: – Мы пленного на всякий случай с собой взяли, завтра попытаем. Басурманин ведь, ему соврать – не грех.

– Это точно, – кивнул воевода, отпивая пиво, – Но готовиться всё равно надо. Если нечисть эта появилась в окрестностях – жди беды! Прошлый раз еле отбились от них! Почитай вся дружина полегла!

– А сколько нападающих было? – спросил я воеводу.

– Да сотни три, – поморщился Ястребов и снова хлебнул пива: – Понимаю, о чём думаешь.

– Сдюжим, ваше высокоблагородие, – я тоже потянулся к пиву, взял чашку и отхлебнул хороший глоток: – Если дадите

сделать, как я задумал – точно сдюжим!

– Дадим? – повернулся воевода к градоначальнику, и тот кивнул весело:

– Обязательно дадим. И вот что, в исключительных условиях чин сотника могут и градоначальник с воеводой дать. Но дворянское звание, извини, токма из губернского города дожидаться!

– Да мне звание и не нужно, вроде бы.

– Не наследное, конечно, звание дворянское сотнику даётся, – хмыкнул воевода, – Да тебе, видать, и ни к чему? Родился с другим-то, судя по всему? Может и повыше простого дворянского?

– С чего вы взяли? – спросил я воеводу, но тот замахал руками:

– Молчу-молчу! Прошное за Приграничьем остаётся! Для государя неважно, кем ты был там, важно, кем станешь здесь и как Отечеству послужишь!

– Виктор, – градоначальник ухватил куриную ногу и вгрызся в неё, будто оголодавший пёс: – Предлагаю в неформальной обстановке общаться по именам и только на людях соблюдать субординацию. Человек вы образованный, потому друг друга по званиям или титулам именовать...

– Я ему это давно предложил, – воевода вообще не ел, зато пива уже вторую кружку выхлебал, – Так что наедине мы давно друг к другу по имени.

– Вот и славно, – заулыбался и градоначальник испачкан-

ными в курином жире губами, – Тогда, Виктор, говорите, что он нас требуется!

– Во-первых, нам бы ещё пушек надо! – сказал я, и увидел, как моментально поскучнели лица воеводы и градоначальника.

– Да где их взять? – спросил Ястребов, – Да ещё и быстро?

– Я с гмурами говорил – они готовы четыре штуки выплавить! – я бахнул кружку о стол, – И цену возьмут символическую! Это и их город тоже.

Воевода с градоначальником переглянулись, и Острожский ухмыльнулся:

– А мне эти скоты второй год говорят, что не могут вот так взять и выплавить пушки. Ну, подлецы... Ну, если так, договаривайся! Что ещё?

– Люди нужны! – я пристально посмотрел на обоих начальников: – Надо ров хороший копать вокруг города, да лоушки ставить! Тот ров, что сейчас – курам на смех! Ежели конные янычары пойдут – попробуй их удержать. А так – остановятся возле рва, а дружинники будут их из ружей привечать из-за стен!

– Ну, про ров давно думали, – одобрительно кивнул воевода, – Только времени не хватало.

– Его и теперь нету почти, – я вновь хлебнул пива, – Но медлить нельзя! Завтра же мои дружинники начнут работу, но сто человек – это мало!

Острожский подумал немного и сказал:

– Полтысячи на пару дней подниму. Потом только ополчение, а это двести душ...

Глава 11. Корабли на горизонте.

С утра Мышинск бурлил и волновался: в море показались два халифских корабля. Рыбаки, которые собирались выйти в море, спешно бросали шлюпки и убирались подальше от порта. Мы подошли с воеводой поближе к причалу, и Ястребов хмуро произнёс:

– О как! Всё-таки решились на войну!

Я удивлённо посмотрел на него, и воевода пояснил хмуро:

– До этого они нападали без формы. И корабли не использовали. По кораблям сразу можно опознать, кто напал! А раз не побоялись корабли подвести...

– Встретим и корабли, – процедил я и любовно посмотрел на четыре пушки, уткнувшие стволы по направлению к морю. Слава Богу, понятие «скоро» в этом мире не означало сегодня или завтра. И в нашем случае растянулось на целый месяц. За это время гмуры успели отлить целых шесть пушек, итого у нас их было теперь десять. Четыре в порту, и по две на каждой из трёх крепостных стен Мышинска. Да ещё и рвы мы успели выкопать, да ловушки всякие. Кстати, возле пушек вместе с людьми стояли коротышки. Они оказались отличными бомбардирами. Снаряды в цель клали так, что любо-дорого посмотреть было. После недолгого совещания с воеводой и градоначальником я уговорил взять гмуров в пушкари. А наш гонец успел съездить в губернский город и

вернуться обратно. Туда он отвёз послание воеводы о том, что на Мышинск вновь собираются напасть. Оттуда привёз ответ от губернского воеводы о том, что губерния запросила в столице целый корпус, и тот скоро должен прийти. Но про понятие «скоро» в этом мире я уже говорил, потому подзревал, что помощь может прибыть не так быстро, как хотелось бы. Мои опасения разделяли и воевода с градоначальником. А теперь ещё опасений добавили.

– Корабли встретить сложнее всего, – вздохнул воевода, – Ты видишь? Фрегаты к нам идут. Это по тридцать пушек у каждого!

– По сколько? – аж поперхнулся я, и поражённо уставился на парусники, маячившие на горизонте.

– По тридцать, – мрачно сказал градоначальник. – И сейчас по дуге подойдут и шарахнут с обоих бортов. А потом развернутся и снова. Пока от города пустого места не останется.

– А в это время полтысячи янычар, которые к городу идут, спокойно начнут город брать, вернее то, что от него останется, пока корабли нас с моря уничтожать будут! – воевода поморщился, будто зуб у него разболелся, и тоскливо глянул на наши четыре пушки.

– Ну, разведчики передают, что янычары ещё за день пути от нас. Будут хорошо, если завтра. А дальность у пушек корабельных какая? – я достал сигарету и нервно закурил.

– Как и у нас – миля-полторы, – воевода пристально вгля-

дывался в море.

Я выругался, и градоначальник восхищённо присвистнул:

– А вот это слово, которое третьим шло, что обозначает?

– Когда мужик с мужиком. Обозначение, значит, обоих мужиков.

– Красивое, – кивнул воевода, – Мерзкое и красивое. А второе?

– Второе слово как раз означает, что они уже использованы по своему богомерзкому назначению, – я глубоко затаился, – И потому используется дальнейшая фраза.

– Это я как раз понял, – кивнул воевода, – Только не понял, как можно ядро им в зад запихать. Порвёт же?

– На это и расчёт, – серьёзно кивнул я, – На это и расчёт...

И пошагал широко к бомбардирам. Воевода пошёл за мной, а градоначальник крикнул в спину:

– Я к себе! Ополчение поднимать и вообще!

Что «вообще» он не добавил, но мы поняли прекрасно – человек гражданский, а скоро тут, судя по всему, настоящий ад разверзнется. Потому воевода ему лишь рукой махнул. А я уже стоял перед командиром бомбардиров и наводчиками:

– Так, бойцы! Видите два фрегата?

– А кто ж их не видит? – сплюнул в пыль седоусый начальник батареи Никола Ярц, – Слепых в бомбардиры не берут, ваше благородие.

– Ты бы вчера про это сказал, когда ядра на ящик с капустой разгрузили, – буркнул воевода. Остальные хихикнули,

но тихо. Старшего бомбардира тут уважали и побаивались. Кряжистый начальник береговой батареи мог не только выругать, но и затрещину отвесить. А учитывая, что руки у него были как кувалды, после его затрещин бедные бомбардиры ещё пару дней взгляд не могли сфокусировать.

– Никола, – я старался говорить максимально убедительно, – Я знаю, что в случае нападения двух кораблей по каждому должны работать пушки, но давай все четыре будут бить вначале по одному, а потом по второму?

– Так второй спокойно целиться будет по нам, ваше благородие, – Ярц непонимающе глянул на меня. Даже воевода глянул с удивлением, и я тут же постарался объяснить доходчивее:

– Сколько попаданий нужно, чтобы корабль потопить?

– Тут как повезёт, господин Омон, – старший бомбардир развёл руками, – Ежели под ватерлинию попадёт ядро – и пары попаданий хватит. Ежели по палубам да по мачтам – и десятка мало будет.

– Вот! – я поднял палец. – Минимум два попадания надо! В две пушки сколько по кораблю стрелять будете? По одному, да по второму? Сколько попаданий, опять же, будет? А ежели сразу четыре пушки в один корабль бахнут? Одна да попасть должна! Один залп, да второй, смотришь – и получится!

– А второй корабль спокойно будет по нам целиться и лупить? – спросил Никола.

– Спокойно? – удивился я, – Во-первых, откуда они пойдут, по кому мы стреляем? Будут максимально быстро плыть и те и другие...

– Идти, – поправил меня щуплый бомбардир с косынкой на голове.

– Что? – опешил я.

– Корабли ходят, говно плавает, – развёл руками щуплый.

– Тебя как зовут, умник? – спросил я, сатанея.

– Гриша, Григорий, то есть, ваше благородие!

– Если ты ещё раз в разговор командиров влезешь без уважительной причины, то сам как говно поплывёшь! Понял?

– Так точно, ваше благородие! – рывкнул Гриша и спрятался за спину старшего бомбардира.

Я вновь уставился на командира батареи:

– А во-вторых, когда корабль ПЛЫВЁТ! – я особо выделил это слово: – Сильно прицелишься? Корабль болтает?

– Болтает, – кивнул Никола.

– И сам он движется?

– Несомненно!

– Ну, вот и пусть попробуют попасть! А мы будем бить прицельно! На упреждение! И заряжать максимально быстро! Если отобьёмся – лично каждому выбью у городского главы по три оклада!

– На каждого по три? – переспросил старший бомбардир и прояснел лицом: – Ну, что же, попробуем, ваше благородие!

– Люди ещё нужны для заряжания? – я требовательно по-

смотрел на Ярца.

– Только мешаться будут! – мотнул головой начальник батареи и повернулся к своим бомбардирам: – А ну, к орудиям, сукины дети! Если кто мне тройной оклад сорвёт – лично своими руками придушу!

– По какому первому стреляем, господин Ярц? – влез один из наводчиков гмуrows, которого звали Валет.

– По левому! – махнул рукой кряжистый артиллерист, и заорал, глядя, как бегут к пушкам его бойцы: – Первому орудю, которое попадёт – после боя чарку лично наливаю!

Глава 12. Морской бой

Утреннее море отливало металлом и рябило барашками мелких волн. Ветер дул со стороны большой воды и оттуда же заходили два халифатских фрегата. Шли красиво, ничего не скажешь! Летели на всех парусах прямо к берегу от изгибающегося выпуклого горизонта.

– Ждё-о-о-о-ом! – хрипло заорал старший бомбардир Никола Ярц, – Ждё-о-о-о-ом пока повернутся!

Я глянул на бледного воеводу и тот пояснил:

– В бок легче попасть, чем в нос!

Я кивнул понятиливо и вновь уткнул взгляд в море. Мы стояли сразу за батареей из четырёх пушек. На наших глазах бомбардиры засыпали порох, затолкали внутрь тяжеленные ядра и стояли, напряжённо вглядываясь в корабли. Гмуры быстро и сосредоточенно крутились вокруг пушек, возясь с механизмом нацеливания.

– Нам проще, – тихо начал объяснять воевода: – Расстояние пристреляно. По вертикали точно выставятся пушкари! А вот по горизонту угадать нужно куда корабли развернутся. Потому как пушки повернуть быстро не получится. А надо ещё и на упреждение пальнуть!

Тут оба фрегата начали разворот, и выглядело это эпично. Они чуть накренились на левый борт и начали плавно уходить влево, делая большой полукруг.

– То-о-о-овсь! – заорал Никола, и когда корабли почти полностью развернулись бортом заорал: – Пли-и-и!

Грянул залп из четырёх пушек, да такой, что у меня зубы свело. Эх, недооценивали в моё время ядерную войну! Грохот от пушек такой стоит, что до позвоночника продирает. Но местные бомбардиры к такому звону привычные. Гул не затих, а они бросились вновь заряжать, а гмуры – выставлять орудия. Сами командиры орудий, как и мы с воеводой, пристально смотрели на приближающиеся фрегаты. И первый залп нас порадовал до невозможности. Два ядра бухнулись в воду перед левым фрегатом, по которому и вела огонь батарея. Но вот третье ядро попало в борт, проломив обшивку корабля. А четвёртое прошлось по палубе. Больших бед не натворило, но что-то там смело, и мне показалось, что даже мачта передняя чуть накренилась. Впрочем, фрегат спокойно одновременно со вторым развернулся, и грянул залп с кораблей уже по нам. И это было грандиозно в той же мере, в какой и страшно! Корабли окутались пороховым дымом и вокруг засвистело. Из тридцати ядер десятком плюхнулся в море, недалеко от берега. Остальные с противным свистом пролетели над нами к городу. А штук пять упали прямо на пирсе, где стояла батарея. Впрочем, особой беды нам они не наделали. Лишь одного пушкаря посекло деревянной щепой от разбитого ядром ларя.

– Следующий раз ближе бить будут! – заорал воевода, – Это пристрелочный был!

Тут под истошный крик старшего бомбардира вновь рывкнули наши пушки. Три ядра шлёпнулись в воду, а четвертое по касательной ударило в борт. Впрочем, как и первое – много выше ватерлинии. А мы увидели, как от фрегатов отделяются шлюпки, и гребцы налегают на вёсла.

– Раз-два-пять, – зашевелил губами воевода и я заорал:

– Двенадцать шлюпок! Идите в город к ополчению! Вы там нужнее!

И сам развернулся, выскочил к домам и заорал полусотне, ожидающей в укрытии:

– Всем в порт! На позиции! Бего-о-о-ом!

Дружинники быстро вскочили и побежали к порту. Всё было не раз отрепетировано, потому каждое отделение, а по-старому десяток, заняло свои позиции в заранее выкопанные окопы прямо перед артиллерийской позицией. Бойцы затаились с ружьями, глядя на шлёпающих вёслами янычар. Грохнули ещё раз наши пушки, но ядра лишь плюхнулись в воду, не причинив никакого вреда лодкам.

– Жди фрегаты! – заорал я Николе, – Шлюпки наши! Только как ближе подойдут – бей картечью! Я команду дам!

Старший бомбардир махнул рукой, показывая, что понял, а гмуры вновь начали ворочать орудия, глядя на разворачивающиеся в море фрегаты. Я запрыгнул в окоп к Болдырю и Герани. Прикинул, что до шлюпок оставалось метров восемьсот и приказал:

– Как подойдут на выстрел – стреляйте по командирам!

Они у них в перьях!

– Будто сами не знаем, – буркнула Герань, и половчее ухватила штуцер.

Метров за пятьсот Болдырь и Герань начали стрелять. Впрочем, попасть по болтающимся на воде шлюпкам занятие то ещё. Потому выстрелы были результативными, но не прицельными. На одной шлюпке вместо командира в шляпе с перьями в воду рухнул гребец. На второй шлюпе взмахнул руками и упал на дно лодки янычар с саблей наголо. Впрочем, даже такой успех удивил и испугал халифатовцев. Они заорали на своём гортанном языке и приналегли на вёсла. А в это время уже развернулись и приближались оба фрегата. И вновь грянули наши четыре пушки. Я с надеждой смотрел на левый корабль и заорал от счастья, когда увидел, что одно ядро пробило борт даже чуть ниже ватерлинии, а второе вломилось куда-то возле носовой части и там полыхнуло так, что в море полетели сразу две пушки вместе с моряками. Однако залп сделали оба фрегата. И воевода оказался прав – в этот раз вражеские ядра легли намного ближе. Пушки остались целы, но вот двоих бомбардиров одним из снарядов просто изломало, когда он просвистел рядом с крайней правой пушкой.

И тут я увидел, как к батарее подбегает старый знакомый – маг Сергей Снежский. Воевода не хотел рисковать парнем, но, видимо, он всё же уговорил Ястребова отпустить к нам. Волшебник подбежал к крайней пушке, которую наво-

дил мой знакомый гмур Валет, и что-то зашептал, стоя рядом.

– Заряжа-а-ай! – дико заорал Никола, и сам кинулся к одной из бомбард.

Первый, неповреждённый фрегат развернулся нормально, а вот второй накренился, подзарылся в волны носом и, сильно притормозил свой ход.

– Батарея, пли-и-и! – заорал Ярц, и четыре пушки рывкнули. Я смотрел за приближающимися шлюпками, но во время залпа вновь перевёл взгляд на корабли. И заорал снова от дикого восторга. Сразу два ядра ударили в нос корабля, практически возле воды. Проломили борт и фрегат тюкнулся носом и стал крениться. Бомбардиры при этом быстро катили ядра, тащили порох, вновь заряжая пушки. Шлюпкам до берега оставалось метров триста, и Болдырь с Геранью вновь выстрелили. Попали, что было нетрудно, так как шлюпки битком были набиты янычарами. Но четверо убитых на двенадцать шлюпок, в которых сидело минимум по двадцать-двадцать пять врагов всё же слишком мало. Батарея вновь грохнула залпом и теперь сразу три ядра попали во фрегат. Одно умудрилось разнести в щепы мачту, второе попало к пушкарям и, видимо, там что-то сдетонировало, потому как грохнуло знатно и фрегат и вовсе почти лёг на бок.

– Никола! Картечью по шлюпкам! – заорал я старшему бомбардиру, и тот заорал надсадно:

– Картечью-у-у-у!

Вновь засуетились артиллеристы, а я крикнул бойцам:
– Товсь!

Пушки ударили картечью по шлюпкам, когда им до берега оставалось метров двести, не больше, и удар четырёх бомбард с такого расстояния по лёгким судёнышкам оказался воистину ужасающ. Четыре из них просто посекло, покрошило вместе с янычарами. А Никола Ярц уже вновь орал:

– Заряжа-а-ай!

Второй залп, хоть и был сделан по совсем уже приблизившимся лодкам, разнёс лишь три из них. Я крикнул:

– По лодкам! Пли!

Грянул слитный залп полусотни, и он тоже хорошо проредил скучившихся в оставшихся шлюпках янычар. Бойцы быстро стали заряжать и стрелять, стрелять по подплывающему противнику. Враги пытались стрелять со шлюпок по бомбардирам, но наш ответный огонь просто выкашивал янычар, а вот попасть в пушкарей, укрытых за насыпью с болтающихся шлюпок было непросто.

В это время второй фрегат развернулся и вновь стал приближаться, и я заорал Николе:

– Ядрами по кораблю! – и скомандовал бойцам: – Приготовить гранаты!

Когда янычары подплыли к берегу и повалили из оставшихся пяти шлюпок, под ноги им мы метнули сразу три десятка гранат. Слитный взрыв был такой силы, что я почувствовал, как под ногами вздрогнула земля. А из полсотни

выскочивших на берег полегли почти все.

Глава 13. Война...

Рывкнул залп нашей батареи и практически одновременно выстрелил второй фрегат. В этот раз залп его был более точен и ужасен. Несколько ядер попали прямо в расположение батареи, одну пушку просто разнесло, вторую опрокинуло, а десяток бомбардиров разметало. Но и наши пушкарки попали удачно – всего одним ядром, но как! Оно угодило в среднюю мачту, и та надломилась, рухнула, разрывая снасти, или как там эти верёвки называются.

– Добивай выживших! – заорал я бойцам и бросился к бомбардирам. Маг, слава Богу, остался жив, сидел на земле, держась руками за голову и смотрел перед собой. Но старший бомбардир валялся на земле. Зато пушкарки оставшихся двух пушек, оглушённые, закопчённые, упрямо заряжали орудия.

– Целься! – заорал я, и гмуры завозились с механизмом пушек. Второй фрегат с повреждённой мачтой медленно, по инерции, ещё разворачивался. Но скорость потерял. И я, услышав, что заряжающие прокричали «готов» заорал: – Пли!

Две пушки рывкнули зло, и обе попали. Ядро первой просвистело по палубе, сметая матросов и какие-то надстройки. Второе ударило в борт, проломив его чуть выше ватерлинии. Вражеские моряки бегали суматошно по палубе с топорами,

обрубая повреждённую мачту, и практически сбросили её с корабля, когда пушкари вновь зарядились и нацелились.

– Пли! – мстительно заорал я, и орудия грохнули, вновь окутав всё пороховым дымом. Правда, в этот раз попадание было скромнее. Одно ядро плюхнулось слева от корабля, а второе по касательной прошло по борту и тоже плюхнулось в воду. Впрочем, халифатовцам этого хватило. Они пошли от берега и явно не думали больше разворачиваться.

Я посмотрел, как мои бойцы редкими выстрелами бьют лежащий у берега десант и заорал:

– Отставить! Кто сдаётся – взять в плен!

Выстрелы прекратились, и Дамир заорал что-то на лающем языке янычар. Полтора десятка вражеских бойцов подняли руки и стали испуганно вставать на ноги, отбрасывая в сторону оружие. Грек с десятком бойцов осторожно приблизились, и стали вязать сдавшихся в плен. А я подскочил к магу и спросил:

– Ранен?

– Да вроде нет, – помотал головой Сергей, вытирая кровь, текущую из носа.

– Контузия, – кивнул я понятиливо, повернулся к Болдырю, хмуро переминающемуся рядом со мной с ноги на ногу и распорядился:

– Мага отвести домой! Уложить спать! А сюда срочно второго мага и врачей. Нам завтра ещё бой принимать! Понял?

Болдырь кивнул и наклонился к Снежскому:

– Пойдёмте, ваше магичество, отведу вас.

А я заметался по порту. Вначале подскочил к главному бомбардиру и увидел, что Никола Ярц тоже жив. Поднял его, посадил и заговорил максимально требовательно:

– Сейчас же осмотри пушки! Можно ли их восстановить?

– Я уже осмотрел, – сказал вдруг стоящий сбоку гмур Валет: – Одну до завтра восстановим, а вот вторую только в переплавку!

Я тяжело вздохнул, пушек итак мало, и лишиться одной из них в первом же бою... а потом перевёл взгляд на море и увидел, что второй вражеский фрегат превратился в уже еле видимую точку, уходя в горизонт. А вот первый, который мы славно измочалили, почему-то не затонул, а так и продолжал лежать на боку.

– Валет! – я ткнул пальцем в не утонувший корабль: – А почему фрегат ещё не потонул?

– А его на мель выкинуло, ваше благородие, – пояснил гмур, – Тут как раз от берега узкой косой мель идёт. И фрегату повезло, он на неё боком и лёг как раз.

– О как, – я задумчиво поскрёб рукой подбородок: – А сколько пушки весят?

Гмур глянул на меня остро, хмыкнул задумчиво и сказал:

– Семьдесят пять пудов. С подставкой. Ежели без неё – итого меньше.

– На шлюпке можно перевести? – спросил я требовательно.

– Да на баркасах точно можно, – гмур прояснел лицом и спросил: – Вы хотите с фрегата?..

– А почему нет? – я пожал плечами: – Никола говорил, там сразу тридцать пушек?

– Все тридцать сразу не вытащим, – зачастил гмур, – Но вот десяток даже с такого, разбитого, можно попробовать! На баркас сразу по две-три пушки можно грузить! Но надо и грузчиков десятка два! Цеплять, поднимать, укладывать!

– Грузчики будут, – я подозвал десятника Касыма: – Отправь-ка бойца в город, пусть передаст воеводе – надо грузчиков два, нет! Три десятка! С запасом! В порту найди два или три баркаса, а сам с двумя десятками бойцов плыви к фрегату и если остались живые – ликвидировать! И посмотри пушки целые. Все, какие можно – обвязывайте верёвками, их там много. И ждите баркасы.

Я повернулся к гмуру:

– Ты, Валет, назначаешься старшим по погрузке! Грузчики и баркасы под твоё распоряжение переходят. Полностью.

– Понял, вашбродь! – рявкнул гмур. Эти существа вообще были интересными. Невысокие, но крепкие. И очень тщеславные. Если им хоть какую-то власть давали, тут же раздувались от гордости и готовы были всё в лоскуты порвать, но оправдать доверие. Хочешь, чтобы склад блестел, как у кота... хвост – просто назначь заведующим складом гмура! Ну и далее. Правда, люди не торопились коротышек привлекать к делу, ибо была у них одна крайне неприятная черта – до-

тошливы были, заразы, невероятно. Таких в моём мире называли «душнилы». И если давали должность гмуру – то он мог мозг чайной ложечкой выковырять за короткое время. Но я этого не боялся. Выработал свой подход к коротышкам. Основанный всё на том же тщеславии. И если они начинали своей дотошностью надоедать, делал скорбное лицо и вопрошал сам себя вслух – уж не ошибся ли я, дав такое ответственное задание гмуру, который не может самостоятельно такие пустяковые вопросы решить? Гмуры краснели, бледнели и исчезали.

Раздав указания, я подошёл к связанным янычарам и внимательно их осмотрел. Все в синих кафтанах. Сапоги добротные, кожаные, с широкими голенищами. И ремни добротные. Рядом со мной стоял Дамир, и я кивнул ему:

– Переводи! Почему посмели напасть на мирный город Новеградского царства?

Дамир захыркал на халифатском, а потом внимательно выслушал ответ одного из связанных. Пленный, видать, пусть и небольшой, но командир – и пояс у него был понаряднее, и сапожки другого фасону. Вот он и гыркнул что-то в ответ. Дамир повернулся ко мне и пояснил:

– Говорит, их Халиф Сулейман Великолепный объявил нашему государю Владимиру войну на уничтожение, пока не вернёт исконные земли халифата, которые простираются по все стороны Южного моря!

– Вон оно что, – хмуро произнёс воевода, который как раз

подошёл к нам вместе с Острожским: – Война, значит!

Ястребов повернулся к градоначальнику и сказал отрывисто:

– Всё ополчение под ружьё! И на всякий случай готовь эвакуацию! Это против набегов мы лихо держались. А су-против армии у нас никаких шансов нет. Потому хотя бы женщин и детей вывезти надо в губернский Нежеголь!

– Да ты представляешь, что такое эвакуация? – задохнулся Ростислав Окружный, – У нас несколько тысяч в городе! Ни подвод, ничего не хватит!

– Жить захотят – выедут! – рявкнул воевода. – И ты не забывай, что во время войны власть к военной администрации переходит, то есть, ко мне! Но я в твои дела не лезу. Сам распоряжайся! Мне ополчение чтоб с утра уже под ружьём всё было! И в случае чего, чтоб готовы были женщины с детьми уйти!

Воевода с градоначальником ушли дальше, переругиваясь, а я повернулся к Дамиру:

– Спроси, сколько у них войск.

Дамир опять заговорил на каркающем языке, пленный в модных сапогах ответил, и помощник мой тут же перевёл:

– Говорит – неисчислимы полчища великого халифа Сулеймана Великолепного! А корабли занимают половину оки-яна!

Глава 14. Подготовка к осаде

Я внимательно осмотрел порт. Валет уже вовсю орал, пинками загоняя в баркасы грузчиков. Четыре шлюпки с бойцами подплывали к лежащему на боку кораблю. Так как выстрелов не до сих пор не было слышно, я сделал вывод, что либо погибли все, либо не собирались сопротивляться. Повернулся, глянул насмешливо на пленного и спросил:

– Настолько корабли океан затмевают, что против нас всего два фрегата послали?

Дамир начал было переводить, но нарядный сплюнул в пыль и ответил:

– Не переводи, собака, сам отвечу!

Лицо у дружинника вспыхнуло, но он смолчал. А я присел возле пленного и достал сигарету. Подкурил неторопливо и спросил:

– Ну? Жду ответа!

– Флот наш велик и могуч! А это разведка была! Завтра же увидишь, гяур, как мы вас уничтожать будем! А женщин и детей на невольничий рынок отправим! Хватит вам уже осквернять наши священные земли!

– Ты уже уничтожил, – я выдохнул клуб дыма и спросил: – Сколько кораблей в вашем флоте? Сколько человек в армии? Советую отвечать быстро и правдиво, и тогда умрёшь так же быстро. А если нет... пожалеешь, что на свет родился!

– В нашем флоте не счесть кораблей! Готовься встретить миллионную эскадру.

Я выкинул окурок, посмотрел на нарядного пленника, зыркающего глазами:

– Ага, халифат, где населения – всего-то пару миллионов человек миллион кораблей сделала и запустила! А недавно в лаптях по морю плавали. Лжец ты, пёс смердящий! Последний раз спрашиваю, сколько кораблей?

Янычар лишь вздёрнул презрительно голову и смолчал. Я спокойно пожал плечами, достал из кобуры пистолет, взвёл курок и приставил к голове:

– Приговором военно-полевого суда и властью, данной мне военной администрацией города Мышинск, приговариваю военного, совершившего преступления против мирных к смертной казни!

Надменный пытался что-то сказать, даже рот открыл, но я нажал на спусковой крючок, бахнул выстрел и мозги халифатца разлетелись по пирсу.

– Дамир, тащи следующего, – спокойно сказал я, достав порох и пули для мушкета, – У нас две тысячи женщин и детей в городе, некогда политесами заниматься!

Воевода, который осматривал разбитые пушки, лишь обернулся на звук выстрела и вновь принялся что-то обсуждать с бомбардирами. А Дамир притащил следующего. Я спросил резко:

– Наш язык понимаешь?

– Панимать да! – часто закивал пленник, – Карасо панимать, плёха говорить!

– Ну, нам поэмы и не нужно рассказывать! Сколько кораблей у халифа вашего?

– Халиф Сулейман Великолепный пастроиль великий флотъ из два десятка кораблей!

– Такие, на которых приплыли? – хмуро спросил я.

– Такие нэт! Такие всего вот! – пленник сунул мне четыре пальца, показывая, что всего четыре фрегата было, – Остальной меньше корабль!

– Ха, – воскликнул Дамир, – Получается, мы сегодня им половину фрегатов побили, вашбродь!

– Выходит так, – я зарядил пистолет, но убирать не спешил: – А войско какое?

– Десять туменов отправил халиф! – ещё быстрее залопотал пленный.

– Десять тысяч, значит, – задумчиво протянул я, и повернулся к Дамиру: – Убирай их всех в тёмную! Пусть там сидят. Скажи, пусть кормят, чтоб с голоду не окоchuрились!

Я подошёл к воеводе, быстро доложил, что выяснили, и Ястребов тут же распорядился послать гонца в Нежеголь. А сам попросил:

– Ты доставку пушек проконтролируй! Я пойду ополчение готовить. Думаю, больше под ружьё встанут. Война – это не набег. У нас только охотников около сотни с ружьями! Полтысячи соберём!

Весь день прошёл в диком напряжении. К вечеру мы сумели переправить с разбитого фрегата в порт восемь пушек. Валет клялся, что если завтра ему позволят, то он привезёт ещё пять штук. Гмуры Мышинска практически все высыпали в порт и принялись вместе с людскими плотниками готовить выловленные с фрегата орудия. А я инспектировал стены. Рассказывал ополчению, кому и куда бежать, ну и многое другое. То давал указание новые бойницы сделать. То приказал мешки с землёй подготовить, чтобы укреплять частокол и защищать наших бойцов от пуль. В общем, в казарму вернулся без задних ног и сразу завалился спать...

Солнце уже светило вовсю, когда разведчики доложили о приближении янычар. Враг шёл красиво, по дороге, растянувшись на несколько миль. Тут, оказывается, что на марше, что в бою принято было строем шествовать, сохраняя какие-то там рыцарские традиции.

– Какие? – с удивлением переспросил я у воеводы.

– Рыцарские, – смущённо хмыкнул Ястребов, и продолжил: – Халифатцы особенно этим традициям привержены. Гордые! Честь, говорят, превыше всего.

– А сотней солдат деревню вырезать – это тоже честь? – сатанея от здешних порядков, уточнил я у воеводы.

– Ну, так мы для них неверные. Вроде как не совсем люди.

– Погоди, Борис Борисович, – я не совсем понимал логики янычар, – А почему тогда воюют по рыцарским правилам?

– Так воюют для себя, перед всевышним им надо по пра-

вилам себя вести. А убивать кого угодно, и как угодно можно, – воевода вдруг разозлился: – Ну что ты пристал ко мне? Придут – сам и спросишь!

Теперь я смотрел на стройные порядки янычар и думал, успею ли спросить. Впрочем, воеводе и бойцам, уже сталкивавшимся с янычарами, я поверил. И если сказали, что основной удар будет по центральным воротам, тут и усилил по максимуму оборону. Потому на центральной стене у меня стояли восемьдесят человек дружины и полсотни ополчения. На остальных трёх стенах было поменьше: по сотне ополчения и по десятку дружины. Сюда же, на центральную стену, я приказал перетащить сразу пять больших двенадцатифунтовых пушек. А ещё с фрегата Валет привёз «небольшую» пушечку, которая вместе с лафетом и колёсами весила около семисот килограммов. И если здоровые пушки утащить могли только лошади, то эту пушку вполне себе вчетвером артиллеристы катали, куда им вздумается.

Янычары, кстати, тоже прибыли с артиллерией, но она у них была, откровенно говоря, слабовата. То ли серьёзного сопротивления не ожидали, то ли лень пушки было тащить, но они под наши стены пришли всего с четырьмя осадными орудиями. Валет тут же принялся мне объяснять, и выходило, что осадные орудия и наши пушки по стрельбе ядрами имеют практически одинаковую дальность. Я подозревали Нишку Ярца и принялся втолковывать:

– Помнишь, как по кораблям били?

– Помню, вашбродь, – кивнул усатый артиллерист.

– Ну, здесь же подобную тактику применяй! Видишь, как они осадные орудия хорошо выстроили? Три крайние пушки пусть бьют по первому орудию, пока не уничтожат! Потом по второму и так далее. Две оставшиеся работают по толпе! Понял?

– Понял, вашбродь, – кивнул Ярц и запыхтел трубкой, – Не делали так никогда, но тактика хорошая. Должно сработать!

– Ну так иди, давай указания пушкарям! – я махнул рукой и подозвал своих десятников, а также командира конной полусотни поручика Евсея Сервеня. Воевода отдал его в моё распоряжение, и молодой дворянин даже не подумал противоречить.

– Ну что, друзья, – я тоскливо взглянул в поле, где орал-кричали полтысячи янычар и произнёс: – Шансы отбиться у нас большие! Но делать надо ровно то, что говорю! Все бойцы прячутся за стенами и стреляют только из-за них! По первому залпу я команду дам, дальше уже сами!

– Нам точно на стенах? – по юношески срывающимся голосом спросил у меня поручик, – Не смотрите, что нас полсотни – мы можем выскочить навстречу и стяжать славу!

Грек и Касым посмотрели на молодого дворянина, как на душевнобольного. А Ливий с Иваном стыдливо убрали глаза. Чужую дурость всегда тягостно видеть, особенно, когда от этой дурости чьи-то жизни зависят. Говорят, таким

же восторженно-дурастным был и предыдущий сотник. Царствие ему небесное. В принципе, последние три слова как раз лучше всего и характеризуют такое поведение...

Глава 15. Первая атака

Часть халифатцев начала устанавливать орудия, остальные строились в порядки.

– Ярц! – крикнул я, – Начинай огонь по пушкам врага!

– А как же переговоры, вашбродь? – испуганно спросил старший бомбардир, – Они ведь сейчас пошлют парламентёров, те потребуют сдачи города.

– Какие нах... переговоры? – озверел я, – Ещё раз не выполнишь приказа, я тебя лично пристрелю, баран! Бегом выполнять!

– Понял, господин сотник! – вытянулся во фрунт Никола и побежал к бомбардирам, крича на ходу:

– Целься, сукины дети!

Я наблюдал за янычарами, и от них действительно в нашу сторону отправились пятеро конных с каким-то флагом. В этот момент и грянули наши пушки. Залп был хорош! Два ядра попали в одно из осадных орудий, и там детонировало что-то, раздался взрыв и ещё одна пушка врагов отлетела, перевернулась, и я очень надеялся, что она повреждена смертельно. А ещё два ядра попали в порядки халифатцев, пропахав землю и сшибая врагов. Парламентёры развернулись резко и поскакали к своим, а защитники крепости заорали, увидев более чем удачное попадание.

Враг засуетился, разворачивая в нашу сторону оставшие-

ся орудия, а наши пушки рявкнули вновь, и ещё одна гаубица халифатцев была поражена. А огромный фронт янычар двинулся на нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.